

МИНБАР

ИСЛАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

MINBAR

ISLAMIC STUDIES

Информация об издании:

Научный рецензируемый журнал. Основан в 2008 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-33940 от
01.11.2008 г.
Периодичность издания – два выпуска в год.
Перепечатка материалов без согласия редакции
не допускается.

Учредитель и издатель:

Частное учреждение высшего образования
«Российский исламский институт»
420049, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Газовая, д. 19.

Редакция:

420049, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Газовая, д. 19.
Тел.: (843) 277-64-06; (843) 277-57-95.

Главный редактор:

Мухаметшин Р.М. – доктор политических наук, профессор, действительный член Академии наук Республики Татарстан, ректор Российского исламского института, Казань, Россия

Редакционная коллегия:

- Адыгамов Р.К.** – кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Российский исламский институт, Казань, Россия;
- Закиров Р.Р.** – кандидат филологических наук, Российский исламский институт, Казань, Россия;
- Ислаев Ф.Г.** – доктор исторических наук, Российский исламский институт, Казань, Россия;
- Седанкина Т.Е.** – кандидат педагогических наук, Российский исламский институт, Казань, Россия;
- Хайрутдинов А.Г.** – кандидат философских наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;
- Шагавиев Д.А.** – кандидат исторических наук, заведующий отделом общественной мысли и исламоведения Института Истории Академии наук Республики Татарстан, Российский исламский институт, Казань, Россия.

ISSN 2618-9569

9

772618956000

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

АБДУЛЛИНА А. А.

Сунна в ханафитском мазхабе 3

ИСЛАМСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

ГАНЕЕВА Ф. Г.

Значение дисциплины «Техника телевизионной речи» в
подготовке журналиста 11

ИСЛАМ И КУЛЬТУРА МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ

САПАРАЛИЕВ Д. Б.

Этническое наименование кыргызов и описание их
религиозных верований в русских исторических
источниках XVII–XIX веков..... 15

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

БОЛГАРОВА Р. М., ИСЛАМОВА Э. А.

Сравнения как способ репрезентации специфики
татарской и русской картин мира 34

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

ШАЙХУЛЛИН Т. А., НАБИУЛЛИНА В. Р.

Функции арабского газетного заголовка 42

АБДРАХМАНОВА М. Н.

Переходные и непереходные глаголы в русском и
арабском языках 47

ФОРМИРОВАНИЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

АБДУРРАХМАН Х. Х., ЗАМАЛИЕВА Г. Х.

Средства усиления на материале коранических текстов.... 56

КУЛИКОВСКАЯ Р. Р., КАРИМОВА Р. А., НУРМИЕВА Р. Р.

Cultural-bound idioms in the novel «Of Mice and Men»
by John Steinbeck 61

Абдуллина А. А. (РИИ, Казань)

СУННА В ХАНАФИТСКОМ МАЗХАБЕ

Аннотация: В статье рассмотрено положение и роль сунны в ханафитском мазхабе. Также рассмотрены методы выведения шариатских норм и положений из сунны в ханафитской богословской школы.

Ключевые слова: сунна, хадис, ханафитский мазхаб, методы выведения шариатских норм, исламская правовая система.

Sunnah in the Hanafi madhhab

Annotation: The article considers the position and role of Sunnah in the Hanafimadhhab. Also, methods are considered for the derivation of Shariah norms and regulations from the Sunna in the Hanafi theological school.

Key words: sunnah, hadith, Hanafi madhhab, methods of deriving Shariah norms, Islamic legal system.

Сунна Посланника Аллаха (с.а.в) находится на втором месте по важности после Священного Корана источником исламского закона. Статус сунны никогда не подвергался сомнениям и не обсуждался, как и Коран в течение столетий, не считая некоторых отделившихся групп, которые отделяют себя от основного большинства потока мусульман. Мусульманская история насчитывает немало случаев, когда люди следующие своим страстям и имеющие свою собственную идеологию, пытались распространить сомнения в истинности хадисов и подрвать ав-

торитетность сунны.

Не может быть никаких сомнений в том, что главным первоисточником, основой учения и положений Ислама – последней и совершенной религии Аллаха, является Священный Коран. Точно также нет никаких сомнений в том, что вторым после Корана источником в Исламе является сунна Пророка (с.а.в). В связи с этим изучение этой сунны является священным долгом каждого мусульманина. Поскольку, не зная сунны – высказываний, поступков и того, что одобрено Пророком (с.а.в), невозможно утверждать о знании Ислама и следовании ему [2, с. 56].

Сунна Пророка (с.а.в) представляет собой хадисы, которые позже были собраны в своды. Благодаря этому ученым удастся проследить во всех деталях пророческую деятельность Мухаммада (мир ему и благословение) и становления мусульманского права, выяснить причины ниспослания аятов.

Сунна занимает важное место в исламе. Во-первых, это то, что Пророк (с.а.в) сам был тщателен в соблюдении предписания, ниспосланные Аллахом. Пророк (с.а.в) в одном хадисе говорит, что те, кто придерживается сунны, получат в Судный день его заступничество. И Аллах примет та-

кое заступничество. Пророк (с.а.в) не ставил законы выше себя, и велел всем следовать тому, что ниспослано Всевышним

Посланник Аллаха (с.а.в) сказал: «Все члены моей уммы войдут в рай, кроме тех, кто отказался». Спросили сахабы: «А кто это такие, кто отказался, о посланник Аллаха?». Посланник Аллаха (с.а.в) ответил: «Кто повинуется мне, тот войдет в рай, а кто ослушивается меня, тот отказывается входить в рай».

Во-вторых, мысли некоторых аятов Корана, которые касаются основных вопросов вероучения, права или морали, понятны каждому, кто владеет арабским языком. Однако существует множество аятов, которые нуждаются в конкретизации. И одним из главных источников правильного понимания Корана является Сунна [3, с. 90].

Пророк (с.а.в) сказал: «По истине, я оставляю вам то, с чем вы не впадете в заблуждение после меня, если будете придерживаться этого. Это – Писание Аллаха и моя Сунна».

Пророк (с.а.в) сам показывал, как следует выполнять повеления Аллаха, касающиеся совершения намаза, паломничества и прочих обрядов, так как в Коране описание их совершения приходят в сжа-

той форме.

В-третьих, сунна помогает удерживать мусульман от заблуждений, причиной которых может стать неправильное толкование Священного Корана.

В Коране говорится, что Ислам — религия умеренности. Это прямой путь между двумя крайностями: «Мы сделали вас общиной, придерживающейся середины» (сура «Ан-Ниса», аят 143).

Процесс осознания сунны Пророка (с.а.в) и передачи ее положений начался еще при его жизни. Сподвижники, особенно старшие из них, передавали младшим предания о Пророке (с.а.в) не упуская ни единой детали. От сподвижников их перенимало следующее поколение мусульман — табииты.

В то же время на этом изучение сунны, хадисов Пророка (с.а.в) не прекращается. Следующий этап относится к ученым фикха (исламской правовой системы). Из подготовленных мухаддисами хадисов им предстояло вывести заключения шариата и довести их до исламской уммы.

Следование мазхабам — это следование обычного мусульманина, не достигшего степени муджтахида за школой муджтахида, вне зависимости, следует ли он постоянно одному из них, или же следует то

одному, то другому. А отказ от мазхабов, это не следование неграмотным человеком, тем, кто не достиг степени иджтихада, за имамом муджтахидом, в какой бы то ни было форме.

У каждой правовой школы была своя методика и свои принципы для извлечения правовой нормы из сунны Пророка (с.а.в) и определения степени достоверности хадиса. Среди всех особенно выделилась ханафитская школа, использовавшая уникальные методы [5, с. 45].

Сунна раскрывает нам те принципы и требования, о которых в общем виде сказано в Коране. К примеру, в Коране Всевышний Аллах повелел нам совершать намаз. Однако о том, как следует его совершать, подробно рассказал и показал Пророк (с.а.в). Также, в Коране множество раз встречается обязательство уплаты заката. В хадисах же пророка (с.а.в) объясняется с какого имущества, в каком количестве и как следует платить закат. Точно так же много законов шариата есть в сунне на основе общих указаний и правил, упомянутых в Коране.

Если в Коране уже содержится ответ на какой-либо вопрос, то необходимость обращения к сунне отпадает. Это подтверждается в хадисе от Муазы (р.а). Когда Про-

рок (с.а.в)спросил его, как он будет действовать в случае возникновения сложной ситуации, тот ответил, что обратится к Корану. И когда Пророк (с.а.в) спросил у него, что он будет делать, когда не найдет ответа в Коране, он сказал, что обратится к Сунне.

Об этом упоминается и в сообщении от аш-Шатыби в «аль-Мувафакаат». В письме Умара к кады Шурайху, халиф пишет: «Если ты найдешь решение вопроса в Книге Аллаха, то ни у кого больше ничего не спрашивай. Если же не найдешь открытого разъяснения в Книге Аллаха, то следуй Сунне Пророка (с.а.в)». Подобных сообщений очень много. Все они указывают на то, что, когда в аяте Корана присутствует скрытый смысл, который знает только Аллаху, то для выяснения, следует обратиться к сунне. Бесспорно, это обязанность великих муджтахидов.

Сунной еще до ислама называли те нормы, способы бытия которого были у арабов до ислама, и определяли их пути жизни. Ислам не отрицает все те хорошие порядки, обычая и традиции, которые были веками заложены среди народов. Также Ислам не называет такие традиции «своими». Ислам не принимал такие принципы, которые не соответствовали моральным

ценностям. Так Аллах категорически запретил употребление спиртных напитков, закапывание девочек, свинину и свободные отношения между полами [1, с. 36].

Арабское слово «хадис» переводится как сообщение или рассказ, имеющий отношение к истории или современности. В Коране слово «хадис» встречается 23 раза. Данное слово было использовано Пророком в том же значении, что и в Коране.

По определению хадисоведов, термин «хадис» означает сообщение, которое может содержать: высказывания пророка (с.а.в), поступки, молчаливое согласие, а также его внешность или нрав. Что касается его внешности, то, как источник законоположений, не используется правоведами.

Согласно арабскому языку это слово означает «образ жизни» и т.д. Поэтому, когда Аллах приказал слушаться Пророка (с.а.в) и принять его путь за идеологию, термин «сунна» пророка (с.а.в) вошло в использование. Это использование началось еще при жизни пророка (с.а.в), а также использовалось им самим. Вся совокупность хадисов и представляет собой сунну.

Богословско-правовая школа Имама Азама Абу Ханифа была основана на знаниях, полученных напрямую от

Пророка (с.а.в) через цепочку великих ученых. Мазхаб Абу Ханифы является на сегодняшний день самым распространенным в мире, многие мусульмане следуют именно за ним. Первым, кто являлся источником получения знаний был пророк (с.а.в). От него (с.а.в) знания брал Абдуллах ибн Масуд, от него перенимал знания Алкама бин Кайс, от него брал знания Ибрахим ан-Нахии, следующим был Хаммад бин абиСулайман, и пятым, последним в этой цепи был Абу Ханифа, который и стал основателем этого пути (мазхаба).

Абу Ханифа открыл такую новую отрасль в фикхе как «аль-фикхат-такдири» – часть исламского права, где ученый моделирует какие-то ситуации, которые еще не происходили, и пытается ответить на вопросы, которых еще никто не задавал. Имам Абу Ханифа стал первым, кто открыл подобную область фикха в ханафитском мазхабе. Благодаря этому наш мазхаб считается, самым проработанным, и сложным. В будущем такой подход помог мусульманским ученым, когда им пришлось отвечать на новые вопросы.

Имам Абу Ханифа разработал свой метод формулирования вопросов для иджитхада. Встречаясь со своими учениками, он предлагал знающим

из их числа рассмотреть тот или иной вопрос; при этом каждый должен был представить свои доводы и привести необходимые, по его мнению, аргументы в поддержку своей точки зрения. После этого Абу Ханифа комментировал высказывания своих учеников, подкрепляя их ссылками на Коран и сунну или доводы разума и одобряя суждения тех, кто находил правильное решение, и иногда для формулирования одного такого вопроса требовалось несколько дней [8, с. 98].

Такое обучение носило свободный характер, мнения всех присутствующих выслушивались с должным уважением, а обсуждение давало пищу умам учеников и вместе с тем подчеркивало познания и достоинство учителя, и после того, как подобным методом решался тот или иной вопрос из области фикха, его было затруднительно подвергнуть критике, не говоря уже об объявлении вынесенного решения недействительным, а выводит на правильный путь и приводит к благу только Аллах.

Аль-Муваффах аль-Макки сказал: «Разрабатывая положения своего мазхаба, Абу Ханифа советовался со своими учениками и последователями и не действовал исключительно по собственному усмотрению. Он занимался

иджитхадом, проявляя исключительную искренность по отношению к Аллаху, Его посланнику и всем верующим в целом. Рассматривая вопрос за вопросом, он всесторонне обсуждал каждый из них, выслушивал мнения своих последователей, высказывался сам и проводил в дискуссиях с ними по месяцу и более, пока не определялся с тем или иным суждением окончательно, после чего все это записывал кади Абу Юсуф».

Если же какой либо вопрос представлялся Абу Ханифе, да помилует его Аллах Всевышний, трудным, он говорил своим последователям: «Причина лишь в том, что я совершил какойнибудь грех», и начинал просить Аллаха о прощении, а иногда принимался молиться, благодаря чему он находил решение, а потом говорил: «Надеюсь, что мое покаяние принято». Узнав о этом, аль Фудайл бин 'Ийяд разрыдался, а потом сказал: «Это потому что грехов у него мало, а прочие не придают этому значения!».

Абу Сулейман аль-Джузджани сказал: «Аллах облегчил для Абу Ханифы постижение фикха, и он хорошо разбирался в его тонкостях».

Когда имам разбирал со своими последователями тот или иной вопрос, они много и громко говорили, касаясь

различных областей знания, тогда как Абу Ханифа хранил молчание. Когда же Абу Ханифа начинал объяснять то, что они обсуждали, все умолкали, и казалось, будто в собрании никого нет, несмотря на то что там находились знатоки фикха и известные ученые.

Абу Ханифа впервые применил глубокое логическое обоснование правовых источников, к которым приравнивались согласованное мнение религиозных авторитетов по какому-либо вопросу и суждение по аналогии с Кораном и Сунной. По формуле Абу Ханифы, смысл фикха заключается в «познании веры в Бога, божественных законов, традиций (Сунны), Божьих пределов, то есть пределов запретного и разрешенного, различий и единства во взглядах мусульманских ученых».

Абу Ханифа не боялся выдвигать такие спорные и смелые решения по вопросам богословия, которые однозначно рассматриваются ригористами в качестве бид'ат. Таково, скажем, его решение о чтении азана – призыва на молитву, текст которого считается в Исламе вдохновленным Аллахом и который должен произноситься только на арабском языке, поскольку он по своему статусу приравнивается к тексту Корана [6, с. 36].

Однако Абу Ханифа допу-

скал, что в той неарабской общине, где нет грамотных мусульман, которые знали бы этот арабский текст, возможно чтение азана на родном (конкретно – персидском) языке до тех пор, пока в этой общине не появится человек, который смог бы читать азан на арабском.

Абу Ханифаприжерживался следующих принципов, относительно извлечение правовых норм из первоисточников: он принимал «мурсил» повествование только если его рассказчик является надежным, повествование не противоречит более сильному далилю.

Хадисы, переданные от одного передатчика, Имам Абу Ханифа не принимал, если:

- это имело противоречие любому положению Корана, не важно общим или очевидным. Имам предпочитал положение Корана, потому что Коран является более сильным доказательством.

- это противоречило распрастраненной сунне,

- постоянной практике сахабов и табиinov;

- противоречит любому из принципов, которые Имам выводил после глубокого изучения шариата, т.е. противоречие любому из усулей Имама, воспринималось как слабость (илля) в хадисах;

- сахаба, который передает

хадис, но не практикует его сам;

- Имам задавался вопросом, если это повествование знало так много сахабов, почему передает его только один из них?

Если между двумя хадисами «ахад» возникает противоречие, то Имам сравнивает рассказчиков, и отдает предпочтение тому, чей рассказчик является знатком исламского права. Если же они оба являются знатками, то выбирает наилучшего среди двоих. При двух противоречивых хадисах, Имам предпочитает тот хадис, который поддерживают большое число сахабов. Если подобное противоречие в хадисах он находил в шариатских наказаниях, то предпочитал более мягкий вид наказания [7, с. 30].

Абу Ханифа, разрабатывая свою школу, пользовался уникальной методикой, которую не использовали остальные правовые школы. Он предоставлять возможность решения того или иного вопроса своим ученикам, где они советовались друг с другом и приходили к единодушному мнению. Подобный метод называется «шура».

Стал распространяться стереотип, что хадисы в ханафитском мазхабе не имеют такого значения, как у трех мазхабов (асхаб аль-хадис). Даже с точки зрения разума невоз-

можно представить, что ханафиты предпочитали самостоятельное мнение хадисам. В этой статье мы показали значимость сунны в указанном мазхабе и развеяли стереоти-

пы некоторых востоковедов и также мусульман, имеющих сомнения по поводу мазхаба имама Абу Ханифы (радыяллаху анху).

Литература:

1. Азами М.М. Хадисоведение/М.М. Азами. – К.: Учебное пособие, 2011. – 182 с.
2. Аз-Зейн М.А Отказ от мазхабов – мост, ведущий к заблуждению. – Махачкала, 2012, 38 с.
3. Аль-Укбари ибн Батта, Истолкование и разъяснение основ сунны и религии / Ибн Батта аль- Укбари. – Казань: Умма, 2011. – 40 с.
4. Батыр Р.Г. Абу Ханифа жизнь и наследие / Р.Г. Батыр. – Н.:Медина, 2007. – 288 с.
5. Бертон Д. Мусульманское предание: введение в хадисоведение/Д.Бертон. – М.: Диля, 2006. – 110 с.
6. Бухарев Р.М. Ностальгия по откровению / Р.М.Бухарев. – М.: Наталис, 2005. – 367 с.
7. Вахби С.Г. Великий Имам Абу Ханифа ан-Нуман (краткое изложение книги) Пер с арабского В. Нирша. – М., 2002.
8. Денфер А.Ф. Введение в коранистику / А.Ф Денфер. – Казань: ДУМ РТ, 2009. – 103 с.

Ганиева Ф. Г. (РИИ, Казань)

ЗНАЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ТЕХНИКА ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕЧИ» В ПОДГОТОВКЕ ЖУРНАЛИСТА

Аннотация: В данном докладе анализируется воздействие слова, звучащего в эфире радио и телевидения, специфика речевого общения в конкретных программах телевидения, отрицательное воздействие непродуманных интонационных акцентов, негативно влияющих на психологию большой аудитории.

Ключевые слова: слово, голос, профессионализм, общение, интонация, жанр журналистики, рейтинг, задача, татарский и русский язык, культура, связь, аудитория.

The value of the discipline «Technique in the preparation of the television journalist»

Abstract: This report examines the impact of speech, sounds on radio and television, the specificity of verbal communication in specific television programs, the negative impact of ill-conceived intonational accents, which have a negative impact on the the psychology of a large audience.

Keywords: word, voice, professionalism, communication, intonation, genre of journalism, rating, Tatar and Russian language, culture, communication, audience.

В число многих и разнообразных обязанностей теле и радиожурналиста входит и работа над голосом, правильной и четкой речью. Это одна из необходимых функций в журналистике нередко выступает в противоречие с требованиями радио и телеканалов, для которых рейтинг и многочисленность программ превыше всего.

Трудно представить себе говорящего в эфире журналиста без голоса, не может же он говорить шепотом и при этом шепелявить, к сожалению, многие руководители каналов закрывают на это глаза, думается, что они сами «страдают» от этого недостатка. Однако, такое понятие как общение является главным связующим между радиийной и телевизионной аудиторией и ведущим, оно затрагивает не только самого журналиста отдельно, но и других людей, с кем приходится вести диалог. В эфирном взаимодействии решающее значение имеет четкая дикция и конечно голос.

Голос для каждого человека индивидуален, абсолютно нет одинаковых голосов. Поэтому для нас педагогов очень важно работать со студентами индивидуально. Постановка речевого голоса предусматривает укрепление речеголового аппарата и развитие выразительности голоса.

Многие видят залог микрофоничности речи в сближении его с разговорной речью, однако понятие разговорности носит абстрактный характер, лингвистическое содержание его не раскрывается, следовательно, передаваемая информация теряет свой смысл.

Пожалуй, ни в одной другой области человеческой деятельности разница между талантливым дилетантом и профессионалом не ощущается так остро и очевидно, как в радио и тележурналистике. Прогресс здесь реализуется в совершенствовании не только умения написания журналистского текста и выхода в эфир, но и в овладении профессиональной техникой речевого аппарата, умением понимать значение сказанного слова, не обеднять своим сленгом татарский или русский языки.

Радийная речь – это звучащая речь, со своими ритмическими построениями, изменениями высоты тона, усилением и ослаблением силы звука, со своим темпо-ритмом.

Радио, как и телевидение, создало свой мир общения, где богатство интонационных средств зависит от жанра передачи, ее содержания и характера говорящего. Роль интонации огромна, в любой информации существует главное, ради чего и вышел в эфир журналист, чтобы поведать о

чем-то, что его волнует как человека, как профессионала. И очень важно, как он будет расставлять интонационные акценты. Они могут привести и к позитиву, и к негативу, а может даже агрессии и нагнетанию обстановки. Все зависит от речевой и человеческой культуры. Иногда неверно взятый тон может оскорбить и унижить целые народы.

Требования, о которых шла речь выше, приобретает особый смысл и особую значимость. Неточности, отвлекающие от содержания передачи, а иногда искажающие смысл, кроются в различных сферах речи. Среди них – невнимание ведущего журналиста к особенностям лексической системы как татарского, так и русского языков, его синтаксического строя, к своеобразию радио речи.

В телевизионной передаче аудио-визуальные элементы должны создавать отдельное целое. Профессионально выполненная визуальная запись с правильными смысловыми акцентами открывает путь для разнообразной речи-комментария, а значит для речи телевизионной, здесь немного другая система восприятия. Телевидение – на сегодняшний день, в большей мере, чем радио, источник информации. Экран показывает и рассказывает, убеждает и поражает. В

теленостях мы узнаем обо всех событиях, происходящих в мире, посредством прямых трансляций нас переносят сегодня и сейчас с одного континента на другой.

Коммуникативная природа телевидения предполагает использование разнообразных форм и средств. Даже одна, отдельно взятая передача по своему изобразительно-звуковому материалу может быть многокомпонентной, композиционно сложной. В этом отношении сложны по своей структуре такие программы как: «60 минут с Ольгой Скабеевой и Евгением Поповым» канал «Россия 1», «Естественный отбор» канал «ТВЦ», Специальный выпуск с Вадимом Такменевым» канал «НТВ», «Ватандашлар», «Эдэби хэзинэ», «Манзара», «Актуальный ислам», «Татарлар» канал «ТНВ». Сложная структура телепередачи обуславливает и сложную речевую структуру.

В речевом выражении такие передачи действительно многоплановы: рассказ журналистов о событиях и героях программы перекликается с комментариями к кинокадрам, они хорошо продуманны и написаны заранее. Беседы с людьми, короткие интервью, блиц опросы – в большей степени неподготовлены, но они придают непосредственную реакцию и живое восприятие

у оппонентов, чем вызывают интерес у телезрителей. Наверное, поэтому к языку телевыступлений должны предъявляться высокие требования, речь с экрана должна быть доступна для аудитории.

Жанр «ток-шоу» («Пусть говорят», «Время покажет», «На самом деле» – Первый канал) предполагает большое количество участников. Подчас корректное речевое поведение ведущего, ретушируется бражкой слишком эмоциональных экспертов, подчас грубая и резкая речь приглашенных экспертов отражается на поведении героев и приглашенной аудитории. Речь участников изобилует иногда и бульвар-

ными выражениями. Организаторы подобных ток-шоу забывают о многомиллионной аудитории, которая впитывает все то, что говорится и показывается с экрана телевизора.

В любом радио или телевыступлении есть установка на аудиторию, которая требует, а может и ждет доступного изложения мысли, четкой аргументации, наглядности примеров и доказательств. А задача журналистов радио и телевидения – не только четко излагать свои мысли, но и не забывать о чистоте языка и его понятности и выразительности, ибо красота звучащего слова, обладает большей энергией, и большей активностью.

Сапаралиев Д. Б. (Бишкекский гуманитарный университет, г. Бишкек, Кыргызская Республика)

ЭТНИЧЕСКОЕ НАИМЕНОВАНИЕ КЫРГЫЗОВ И ОПИСАНИЕ ИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ В РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ XVII–XIX ВЕКОВ

Аннотация. В статье на основе русских исторических источников XVII–XIX вв. (официальных архивных документов, дневниковых записей дипломатов и путешественников, исторических сочинений) в хронологической последовательности приводятся и поясняются во множестве встречающиеся этнические наименования кыргызов, преимущественно алатооских (тяньшаньских). Поскольку в это время в России кыргызами стали именовать и предков современных казахов (основное население Республики Казахстан), и хакасов (енисейских или сибирских кыргызов – коренных жителей Республики Хакасия Российской Федерации), то использование этих исторических источников в научных исследованиях весьма затруднялось. Поэтому нами предпринята попытка системного освещения фиксации этнического названия кыргызов в России. Даются также сведения об их религиозных верованиях.

Ключевые слова: Алатай-киргиз, белые буруты, буруты, ислам, кыргызы, кайсаки, кырк-жуз, мусульмане, хакасы

**Ethnic naming of the Kyrgyz
and a description of their
religious beliefs in historical
Russian sources 17-19th
centuries**

Abstract. Russian historical sources are very important for the study of 17th–19th century Kyrgyz history. These sources are subdivided into three categories: archive materials, diaries of diplomats and travelers, and valuable works by scholars. The archived official documents comprise diplomatic letters to governors of the Central Asian states, reports and memorandums by Russian officials, diaries of Russian ambassadors, diplomats and travelers, and works by Russian scientists. The article explains the ethnic names of the predominantly Shantoriou (Tien Shan) Kyrgyz. The data originates from Russian historical sources and are given in chronological order. At that time, the term “Kyrgyz” was used to identify the ancestors of the modern Kazakhs (the main population of the Republic of Kazakhstan) and the Khakas (Yenisey Kyrgyz or Siberian Kyrgyz – indigenous people of the Republic of Khakassia of the Russian Federation), which makes it difficult to use these historical sources in scholarly research. We have therefore made an attempt

to systematically record the ethnic names of the Kyrgyz in Russia. Information about their religious beliefs is also given.

Keywords: Alatau Kyrgyzs, Ak Buruts, Burut, Islam, Kyrgyz, Kaysak, K rk Jьz, Muslims, Nakas

Введение

В изучении исторического прошлого народов Центральной Азии и Казахстана, в частности кыргызов, богатый материал дают русские исторические источники, подразделяемые на три группы. Во-первых, это официальные архивные документы в виде расспросных речей – сказок, промеморий, рапортов и докладных записок и письма правителей соседних государств к императорам России. Во-вторых, это путевые журналы, воспоминания послов-дипломатов (И. Унковского, Ф. Беневини, М. Угрюмова, Ф. Назарова, Ф. Зибберштейна, Н. Потанина, Ч. Валиханова и др.) и путешественников (Ф. Ефремова, Р. Данибегошвили, Мир Иззет Уллы и др.), оказавшихся на территории Кыргызстана. Некоторые из них опубликованы. Третью группу источников составляют исторические труды (В. Н. Татищева, П. И. Рычкова, Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера, И. Андреева, Н. Бичурина, П. А. Словцова, В. В. Радлова, Ч. Валиханова и др.).

К сожалению, использование столь ценного материала затруднено терминологическим разнообразием, на что ещё в 1927 г. указывал знаменитый русский востоковед, академик Василий Бартольд (1869–1930) [1, с. 234]. Сложность заключается в том, что в этот период (XVII–XIX вв.) по ещё не до конца выясненным причинам словом «кыргызы» (которое было эндоэтнонимом – самоназванием коренного населения современной Кыргызской Республики) стали именовать и казахов (коренное население нынешней Республики Казахстан), обозначая их словами «киргиз-кайсаки», «киргиз-касаки», «киргизы», являющимися по сути экзоэтнонимами, то есть наименованиями, даваемыми этносу другими народами. Немалую проблему породило и то обстоятельство, что кроме вышеназванных самостоятельных народов (алатооских кыргызов и казахов) носителями этнонима «кыргыз» в указанные времена являлась и третья народность, жители Алтая (в верховьях реки Енисей в районе городов Красноярска, Томска, Абакана), так называемые енисейские (сибирские) кыргызы (езерцы, алтырцы, алтысарцы и другие [2, с. 6]), ныне остатки их известны под именем «хакасы» – коренное население Республики Хака-

сия Российской Федерации.

В русских источниках встречаются следующие названия кыргызов (перечень не полный): «Киргизская орда», «Большие киргизы», «Алат киргизы», «буруты», «белые буруты», «Алатай-киргиз», «киргиз-калмыки», «узбекские киргизы», «кыркюзы», «дикие киргизы», «коренные киргизы», «чёрные киргизы», «каменные киргизы», «дикоканменные киргизы», «кара киргизы» и др. Как видим, на протяжении всего трёх столетий на долю кыргызов выпала честь носить более десяти названий. Заметим, все они действительно принадлежали алатооским кыргызам, предкам современных основных жителей Кыргызской Республики. И они, на наш взгляд, отражают, с одной стороны, большую политическую активность кыргызов в международных отношениях Центральной Азии XVII–XIX вв., а с другой – сам процесс познания россиянами кыргызов как отдельного и самостоятельного народа.

Поэтому тщательный критический анализ, изучение и выяснение названий кыргызов в русских исторических источниках в целях правильного их использования является одной из необходимых и неотложных задач для исследователей истории народов

Сибири, Средней Азии и Казахстана.

В данной статье на основе новых, выявленных нами архивных документов и ранее опубликованной литературы мы попытались проследить время фиксации русскими источниками вышеупомянутых названий алатооских кыргызов и дать им своё пояснение, которое, на наш взгляд, может способствовать разрешению некоторых спорных вопросов в этнической истории народов Центральной Азии, и кыргызов в частности.

Енисейские кыргызы в XVII–XVIII вв. и возникновение этнонима «бурт»

По сведениям российского историка Герарда Миллера (1705–1783), в русских источниках впервые в пределах Сибири в 1604 г. упоминаются «киргиссы», которые «ясак (дань) давали в Кетский острог» России (см.: [3, с. 412–413]). А по данным русского историка Петра Андреевича Словцова (1767–1843), русские колонисты встретились с местными племенами с этническим названием «киргиз» в 1606 г. под г. Томском, а затем в 1628 г. под Красноярском [4, с. 109], потом встречались всё чаще по мере освоения русскими юго-восточной части Сибири. Эти сведения относятся, конечно,

к енисейским (сибирским) кыргызам, которые, кстати, с 1634 г. как подданные монгольского государства Алтын-ханов дали также шерть-присягу на подданство России и стали платить ясак (налог) в Красноярский острог. Поэтому их иногда называли двоеданцами. Некоторые учёные считают их предками современных хакасов [5–8].

В начале XVIII в. из-за обострения отношений енисейских кыргызов с местными властями России, как поясняется в русском архивном документе, составленном в 1738 г., «...киргизам и теленгутам от разных сибирских городских комендантов чинены многие обиды, и жить оным тамо стало невозможно, и для того он [Контайша – правитель Джунгарского ханства. – Д. С.] киргизов и теленгутов взял к себе, а землю оставил в пустее». Эта военная акция джунгаров в отношении приблизительно 20-тысячного населения енисейских кыргызов была осуществлена осенью 1702 г. с помощью войска в 2,5 тыс. человек в одностороннем и насильственном порядке [9, с. 48–52; 10, с. 218; 11, с. 22]. Конечно, не всё население было захвачено, многие успели скрыться. Первоначально людей устроили в Или-Иртышском междуречии, а затем некоторых расселили

Ислам и культура мусульманских народов

в пределах оз. Иссык-Куль и Талаской долине Кыргызстана [12, с. 524].

Представители правящей элиты енисейских кыргызов располагались неподалёку от Урги (ставки) джунгарского хана на западе реки Или и восточной части озера Иссык-Куль, они принимали активное участие в государственных делах ханства, а их воины привлекались к военным действиям джунгар как против алатооских кыргызов, так и против других народов Средней Азии. Как свидетельствует архивный документ 1749 г., в Джунгарии некоторые группы енисейских и алатооских кыргызов находились под единым управлением одного воинского подразделения, в частности, указывается, что зайсан Найман Зарги уговорил Ользо Цагунова [сына бывшего под хановым «гневом и прощённого», который имел «немалое число в Урге под команду буротов и киргис (по-видимому, енисейских. – Д. С.)] бежать» со своим отрядом к правителю Коканда Абдыкарымбеку (управлял 1734–1749 гг.).

Нахождение двух этнических общностей, обладавших идентичными этнонимами, внутри одного государства закономерно породило изменение их названия. Так появляются термины «бурот» (на монгольском языке – «иноверцы») – алатооские кыргызы,

исповедовавшие мусульманство, и «кыргызы-калмыки» – енисейские кыргызы, которые были, как и западные монголы, ламаистами.

Зависимость как енисейских кыргызов, так и буротов от калмаков побудило первых к возвращению на исконную родину. Енисейские кыргызы стремились вернуться на территорию Российской империи, то есть в Южную Сибирь [13, с. 167]. При удобном случае они иногда уходили совместно с буротами к независимым тянь-шаньским кыргызам. Архивные материалы описывают по крайней мере два случая бегства енисейских кыргызов и буротов в Кокандское владение, где в соседстве с узбеками в Ферганской долине проживало немало и алатооских кыргызов. Следы этих енисейских кыргызов на территории Кыргызстана прослеживаются в этнографических исследованиях как дореволюционных (Н. Аристов и др.), так и советских (С. Абрамзон, Я. Винников и др.) авторов. Примечательно, что они в настоящее время проживают в Ляйлякском районе Баткенской области Кыргызской Республики, к родовым названиям они добавляют приставку «сибирги» («сибирги-кесек») – то есть сибирские кыргызы, а старики рассказывают, что их деды переселились из Сибири с берегов Енисея [12, с. 525].

Немало енисейских кыргызов, как и алатооских (бурутов), оставалось в Джунгарии вплоть до разгрома и захвата Джунгарского ханства Цинской империей. В 1757 г. отдельные группы енисейских кыргызов и бурутов переселились в Россию и приняли её подданство [11, с. 68–70]. Часть из них была размещена в Поволжье среди калмыков-торгоутов, а затем среди астраханских туркмен-мусульман, позднее, видимо, среди казахов и башкир. В письме императрице Екатерине II от 10 декабря 1775 г. буруты утверждали, что они «закона магометянского природою киргисцы... жительство имели в городах Инжия (Андижан. – Д. С.) и Ак-Су (то есть алатооских кыргызов. – Д. С.)». Некоторые мелкие группы енисейских кыргызов и бурутов, вероятно, остались в Южной Сибири на Алтае и влились в среду местных народностей (хакасов, алтайцев и др.).

В 1757 г. во время переселения беглого населения Джунгарии в пределы Оренбургской губернии России имело место добровольное принятие ими христианства. Среди бурутов 13 апреля 1757 г. крестились 26-летняя Ламжеп (в крещении наречена Степанидой Максимовой); 24-летняя Бедил Чейбекова (Ульяна Ива-

нова). В июле 1759 г. приняли крещение 55-летний Кашка Дархан Шашан (Михайло Петров), 34-летний Менду Белек Ценженов (Федор Антонов)¹. Из представителей енисейских кыргызов в апреле 1757 г. приняли крещение: 37-летняя Ерки Иуедулова (Прасковья Егоровна), 17-летняя Кошук Турукапаева (Катерина Михайловна), 21-летняя Иораса Бакова (Стефанида Ивановна), 42-летняя Хали Батина (Зиновья Петрова), 46-летняя Сата Иетова (Прасковья Ивановна), 41-летняя Белек Мезена (Варвара Ивановна), 46-летний Темир Ялязылов (Козма Васильев), 36-летний Назар Саланаев (Александр Тимофеев), 22-летняя Буран Абышкова (Анна Васильева), 24-летняя Сулу Такеева (Наталья Фёдорова), 47-летняя Мани Залбина (Анна Фёдорова) и др.²

Различные названия алатооских (тянь-шаньских) кыргызов и гипотезы о происхождении этнонима «бурут»

Сведения об алатооских (тянь-шаньских) кыргызах впервые встречаются в распросной речи русских послов Т. Петрова и И. Куницина, побывавших в 1616 г. у калмаков – представителей за-

1 Центральный государственный архив древних актов России (ЦГАДА). Ф. 248. Оп. 113. Л. 61.

2 Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 1731–1733. Оп. 113/1. Д. 3. Л. 32, 80, 87.

падных монголов. В ней указывается, «что в Колматцкой земле (Джунгарском ханстве. – Д. С.) ныне в подданстве и в послушанье Казачья Большая орда да Киргизская орда (то есть казахи Старшего жуза и государство алатооских кыргызов. – Д. С.) и тем обеими ордами калмаки сильны»³. Следующие сведения о них содержатся в расспросной речи другого русского посла к калмыкам И. Савельева в 1618 г., в которой говорится, что во время приёма его Богатыр Тайшей «в той же избе (юрте) было Казачьи орды 2 человека послов да Киргизской земли 5 человек, а приходили оне выкупать полону (то есть пленённых. – Д. С.)»⁴.

Следующие и весьма важные, на наш взгляд, сведения, относящиеся к 1624 году, были обнаружены в Центральном Государственном архиве Древних актов России в фонде Сибирского приказа кыргызским учёным Асанбеком Абдыкалыковым (1925–1990). Это грамота русскому царю Михаилу Фёдоровичу, присланная из Тобольска в 1625 г. В ней говорится, что «Да сентября же де в 29-й день (1624 г. – Д. С.) приехал ис калмаков в Тобольск Тобольской юртовской жилец бухаретин Мухтар

Авжеев, а в расспросе Вам (то есть царю. – Д. С.) сказал... да мунгальские же люди сложились (заключили союз. – Д. С.) с Казачьею ордою и з Большими киргизами»⁵ (цит. по: [14, с. 126]). Важность этой информации в том, что здесь приводится название «Большие киргизы». На наш взгляд, это ещё одно доказательство того, что тянь-шаньские кыргызы были многочисленнее, чем сибирские, и что русские в это время, то есть в начале XVII в., хорошо отличали их друг от друга, а также от казахов, – одних называя «Большие киргизы», вторых – просто «киргизы», а третьих – «Казачья орда» и «казаки».

Очередной вариант названия тянь-шаньских кыргызов приводится известным историком Сибири И. Э. Фишером (1697–1771) в сочинении «Сибирская история». Описывая поход калмацкого Батыр-хун-тайши на казахов в 1643 г., Фишер указывает, «что он с самого начала овладел двумя провинциями или народом Алат-кыргызским и Токмакским которые до 10 тыс. человек считалось» [15, с. 444]. Эти сведения большинство исследователей справедливо относят к жителям, населявшим в то время районы современной Чуйской до-

3 ЦГАДАР. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1607. Л. 450.

4 АВПР. Ф. Отношения России с киргиз-кайсаками. 1775. Оп. 122/1. Д. 1. Л. 2.

5 Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 45. Л. 182–182 об.

лины, имея в виду горы Ала-Тоо и поселение Токмак [16, с. 458]. И. Э. Фишер особое внимание уделил этнической истории кыргызов, в частности, различным сведениям из исторических источников об имени «киргиз», встречающихся в Сибири (у Миллера – киргиссы), среди «усбеков» в Средней Азии (у хивинского Абулгази Багадур-хана), а также на Кавказе (у Рюбрюкса – кергесы). Предполагая, что название «черкес» является испорченным «кергес», он утверждал, что имя киргиз «происходит от некоторого родо житъя, нежели собственно народу» [15, с. 57–58]. Рассуждая об этногенезе народов, связанных с именем «киргиз», И. Э. Фишер пришёл к довольно простому заключению, что «всё поколение, которое именуется киргизами, одного происхождения: особливо... бурутские киргизы с соседями своими киргизскими кайсаками составляли бесспорно один народ» [15, с. 59].

В расспросной речи белого калмака Алгазы от 27 августа 1707 г., данной им в Приказной избе в г. Кузнецк воеводе О. Р. Качанову после посещения Джунгарии, сообщается о военных действиях белых калмаков и енисейских кыргызов против бурутов, от которых «они живут весьма опасно»⁶.

Конкретное место локализа-
6 ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 287 об.

ции алатооских кыргызов (бурутов) содержится в материалах русского дипломата Ивана Унковского, побывавшего в ставке джунгарского хана Цеван Рабтана в 1722–1723 гг. И. Унковский, говоря о военных успехах джунгарского хана Цеван Рабтана, писал: «К тому же народом именуемым бурутами завладел которые кочуют около озера именуемого Тускель (Иссык-Куль в горах Ала-Тоо, Кыргызстан. – Д. С.) и с Казачьею ордою граничат. Сказывают будто оных около 5000 кибиток находится, а войска их будто около 3000 собраться может»⁷. Следует отметить, что И. Унковский в своих материалах даёт сведения и о сибирских кыргызах, переселённых калмаками в начале XVIII в. в Джунгарию.

О происхождении названия «бурут», как известно, существуют разные мнения. Самое раннее принадлежит русскому синологу XIX в. Никите Бичурину (1777–1853), который предполагал, что они «уже в IV веке появились на нынешних местах (в пределах Кыргызстана. – Д. С.) под китайскими именами: болу, булу и болуй. Болу и булу сходствуют со словом бурут, следовательно, бурут есть древнее имя кэргизцов (кыргызов. – Д. С.), которыми китайцы и монголы

7 ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 45. Л. 197–198 об.

и донныне называют их» [17, с. 28].

Интересную мысль высказал кыргызский учёный А. Абдыкалыков, который видит в слове «бурут» прозвище, данное кыргызам калмакскими правителями. По его мнению, оно якобы происходит от монгольского слова «буруу», означающее «неправый», «вина», «проступок» с добавлением буквы «т», образующей множественность, и обретает форму «бурут», образуя понятие «провинившиеся», то есть «изменники», «иноверцы» [14, с. 127]. Русский этнолог Николай Аристов (1847–1910) предполагал, что оно происходит от слова «бури» (по-кыргызски «бөрү». – Д. С.), в переводе на русский язык означающее «волк». Он усматривал в нём название одного из родов родоплеменной группы кыргызов – адигине (бюрю) [18, с. 48].

Не вдаваясь в подробности анализа других мнений, выскажем собственную точку зрения по этому вопросу. По нашим сведениям, название «бурут» имеет или гидрономическую (название реки), или топонимическую (название местности) основу и происходит от названия реки Буру-Тала или местности Боро-Тала. Одноимённая река и местность часто упоминаются в архивных документах XVIII

в.⁸ и в настоящее время находятся южнее озера Балхаш. Речка эта вытекает из озера Эби-Нор (КНР) и вливается в реку Кара-Тал, впадающую в озеро Балхаш. Не исключено, что кыргызов, живших в этой местности, в отличие от кыргызов сибирских, называли бурутами. Но в связи с вытеснением их калмаками из этого района название постепенно забылось и самими кыргызами.

Примечательно и то, что известный русский синолог бурятского происхождения Доржи Банзаров (1822–1855) отождествлял местность Баргуджин Тукум с названием «бургуты» или «буруты» и «буряты» [19, с. 82]. По мнению кыргызского синоведа Таалайбека Бейшеналиева (р. 1962), слово «бурут» в переводе с ойратского языка означает «горцы» [20]. Этим словом ойраты, то есть калмыки, именovali тянь-шаньских кыргызов [21]. Это мнение нам представляется неприемлемым, так как этносов, обитавших в горах, в то время было много.

Термин «бурут» с пояснением «киргиз» мы встречаем в журнале русского дипломата И. Угрюмова, бывшего в Джунгарии в 1731–1733 гг. Заметим, что казахов он называет здесь «Казачья орда» и

⁸ Материалы по истории русско-монгольских отношений (1607–1635): сб. докл. М.; 1959;1:53.

«казаки»⁹. То же самое наблюдается и в других архивных документах, относящихся к 1749–1760 гг.¹⁰

Интересное название кыргызов встречается в архивном документе, относящемся к 1749 г. В рассказе (сказке) тарского жителя Григория Данилова говорится о походе джунгаров (калмаков-ойратов) «на киргиз калмыков, они же буруты кои состоят особливо землящем»¹¹. Вероятно, здесь отражены сведения о том, что часть алатооских кыргызов временно находилась в политическом союзе с калмаками.

В рапорте сибирского губернатора В. А. Мятлева в Госколлегиям иностранных дел России от 13 января 1756 г. приводятся сообщения джунгарских послов, где утверждается, что Амурсана (лидер калмаков, поднявший антицинское восстание в конце 1755 г.) прислал своих людей на Алтай к зайсану Омбо, «чтобы он со своею областью шёл к нему, Амурсане, вспоможением для войны с мунгальцами (точнее с цинами. – Д. С.) и белыми бурутами (независимыми алатооскими кыргызами. – Д. С.)»¹². По

заклучению современника этих информаторов, историка Сибири И. Е. Фишера, «точные народы соединяют с именами цветов разные понятия: белый, например, значит между прочим, никому не подвластного, свободного от должности и податей, так же нечто радостное щастие приносящее и прочее». Не исключено, что информаторы-алтайцы в целях отличия алатооских кыргызов, находящихся в подчинённом положении (например, группа во главе с зайсаном Аширматом) в Джунгарии, от независимых сородичей называли последних «белыми бурутами». Видимо, они также отмечали районы их местожительства: «горы Ала-Тоо» (в переводе с тюркского – «белопёстрые горы» или «белоснежные горы»).

Этническое словосочетание «Алатай-кыргызы», то есть кыргызы Ала-Тоо, употребляется в 1750 г. в рукописи «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются, собрано в Оренбурге и с книг турецких и персидских и по скаскам бывших в тех местах людей к рассмотрению при сочинении обстоятельного о сих народах описания» академика Российской Академии наук, оренбургского служащего Петра Рычкова (1712–1777). Он утверждает: «Алатай кыргы-

9 Материалы по истории русско-монгольских отношений (1607–1635). С. 71.

10 ЦГАДАР. Ф. Сибирский приказ. Кн. 6. Л. 94 об. – 95 об.

11 ЦГАДАР. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1008. Л. 19–20.

12 АВПр. Ф. Зюнгарские дела. 1724. Оп. 113/1. Д. 1. Л. 103 об.

зы народ кочевой и сильной за Ташкентом от большой Кайсацкой орды расстоянием в пяти-шести днях кочуют около городов Ходжента, Найматана и Марталана (Наманган и Маргалан. – Д. С.) в горах каменистых и не приступных, они именуются Ала-Тай (от того сей народ и звания имеет) и суть между Зюнгарского владения и реки Сыр-Дарьей называемой, при урочищах Бахалжи и Куркуре. Их некоторая часть состоит под зюнгарами, а прочее особо, которые часто воюют с зюнгарскими калмыками. Избираются их на войну, от двадцати до тридцати тысяч человек... Киргиз - кайсацкой за Яиком кочующий и в трёх ордах состоящий народ по разным сказаниям суть отроде оных Алатай киргизов...»¹³. П. Рычков, рассматривая киргизов в качестве представителей «татарских народов», которые «суть сущее отроде древних скифов»¹⁴, попытался согласовать противоречивые сведения французского посла Джованни Плано Карпини (XIII в.) и историка и хана Хивы Абулгази Багадур-хана (XVII в.) об отношениях киргизов к завоевательным действиям Чингисхана. «По сказанию Абулгази Багадур хана, – замечал

П. Рычков, – самим Чингисом покорены были тем паче поддались ему те киргисы кои в сибирской стороне находились и коих профессор Миллер обстоятельно описал. А по Карпини, Чингис не мог покорить сих, яко неприступных местах живущих и будучи многими походами обязан, может быть оставил их непокорных, а покорены они уже были при сыне его... Но нам в том дальней потребности нет сие только надлежит знать, что наши киргис-кайсаки от оных Алатай киргисцов подлинно произошли и в нынешних местах не весьма давно усилились» [22, с. 134].

В документах 1759 г. в связи с событиями в Восточном Туркестане упоминается название «узбекские кыргызы», во главе которых находится Ердене (точнее Ирдана)-бий, правитель Коканда во второй половине XVIII в. Даются также пояснения, что калмаки называют их бурутами¹⁵. На наш взгляд, это свидетельствует о политическом союзе кыргызов с узбеками Кокандского ханства на данном этапе их истории.

Интересные данные приводятся в объявлении башкирцев Казаккула Казанбаева и Унтея Азлаева от 3 августа 1766 г., ездивших к казахам

¹³ ЦГАДАР Ф. 10. Оп. 3. Д. 585. Л. 41, 49 об.

¹⁴ АВПР Ф. Зюнгарские дела. 1731–1733. Оп. 113/1. Д. 3. Л. 1–112.

¹⁵ АВПР. Ф. Зюнгарские дела. 1752. Оп. 113/1. Д. 1. Л.13-14; ЦГАДАР. Ф. 248. Оп. 1 13. Д. 1551. Л. 70 об.

Среднего жуза. В нём говорится, что «Аблай султан пошёл на крыгъ юзов ис числа называемых кыргызов уже выехавших в летнее кочевье, войною...»¹⁶. Примечательно, что здесь написано раздельно словосочетание «крыгъ» и «юз», в нём можно видеть чередование числительных «кырк» – «сорок» и «юз» («жуз») – сотня, т. е. кырк-жуз, сорок-сотен. Это ли не объяснение тюркского (правда, в данном случае казахского) происхождения слово «кыргыз», о котором существуют разные гипотезы. Одну из них, как раз согласно вышесказанному, в конце XIX в. предложил российский востоковед Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) Радлов (1837–1918), который в труде «Этнографический обзор турецких племён Сибири и Монголии» указывал, что «... имя кыргыз происходит от кырк – йус» [23, с. 18].

Гипотезу о происхождении слова «кыргыз» от числительного (кырк-ыз – «сороковики») обосновывал в своё время и Доржи Банзаров. В восточных источниках XVI в., в частности «Маджму аттаварих», также приводятся толкования слова кыргыз от «кырк-гызов» или кырк /о/-гузов, то есть сорок огузов [24, с. 205].

16 ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1607. Л. 349–352.

Интересное название кыргызов зафиксировано в дневниковых записях Николая Рычкова – сына академика Петра Рычкова. Во время своего путешествия по казахской степи в 1771 г. он, давая разъяснения горам Улу-Тау и Ала-Тау, указывает, что в горах Ала-Тау живут «коренные киргисцы» [25, с. 73–74]. В тексте, говоря о казахах, он применяет термин «киргис кайсаки», а также утверждает, что «они отделились от них». Эти данные ещё раз свидетельствуют о том, что жившие в то время в горах Ала-Тоо кыргызы были не пришлыми, но, по крайней мере частично, являлись автохтонным (то есть коренным или местным) населением, и что, по всей вероятности, казахи отделились от них.

С 1771 г. в российских архивных документах встречается название «дикие киргизы». Военнослужащий Иван Абдулин впервые применил это название в своём объявлении, поданном им 9 октября 1771 г. после возвращения с кочевьев Аблай-султана (Абылай-хана): «Ещё слышал я от киргизов (казахов. – Д. С.), что они приносят жалобу Аблай Султану на диких киргизцев кои последние Большой Киргизской (казахской. – Д. С.) орды баланайскую волость разбили...»¹⁷. Как ви-

17 АВПР. Ф. Зюнгарские дела, 1755–1757 гг. Оп. 113/1. Д. 4. Л. 149–150.

дим, здесь военнослужащий, вероятно, хотел, с одной стороны, отметить народ, неизвестный россиянам и отличающийся от казахов, а с другой – подчеркнуть его вольность и никому не подвластность, то есть политическую самостоятельность и суверенность кыргызов. Насколько позволяют судить последние переводы кыргызских писем, в частности, относящихся к первому посольству алатооских кыргызов в Россию 1785 г. Атаке баатыра, в тексте авторы не упоминают, какие они кыргызы. Зато в русском переводе XVIII в. они названы «дикими киргизами»¹⁸.

В исследовании капитана Ивана Андреева «Описание Средней орды киргис-кайсаков...», опубликованном в журнале «Новые ежемесячные сочинения» в Санкт-Петербурге в 1795–1796 гг., встречается название «дикие чёрные и закаменные кыргызы», у которых «закон мухаметанской, но несколько придерживаются обряда идолопоклонства. В нравах, поведении и языке сходны весьма с кайсаками (то есть казахами. – Д. С.)» [26]. По нашему мнению, И. Андреев использовал это название, вероятно, после встречи с первыми послами алатооских кыргызов, побывавшими

в Санкт-Петербурге, которые, называя себя «чёрные» (кыргызский перевод «кара»), подчёркивали, что они настоящие (нукура), или истинные носители этнонима «кыргыз». Но И. Андреев применил его в русском переводе, а не в кыргызском звучании. Вот почему оно оставалось неизвестным до третьего официального кыргызского посольства в Омске, то есть до 1824 г. [27, с. 69]. Значение тюркского слова «кара» исследовано в трудах К. К. Юдахина [28, с. 345–346], С. Сыдыкова [29] и др.

С 1786–1797 гг. встречается название «каменные киргизы» и «закаменные киргизы». Они содержатся в рапорте Г. Г. Штрадмана от 1 февраля 1795 г. и др. документах¹⁹, где? вероятнее всего, подчёркивается характеристика рельефа места кочевий кыргызов – то есть горные массивы Тянь-Шаня. Название «дикокаменные киргизы» мы встречаем в рапорте русского есаула Т. В. Нюхалова от 8 февраля 1847 г.²⁰ В нём имелись в виду малоосвоенность и труднодоступность горной и скалистой местности кыргызов, а отнюдь не степень их социально-культурного развития.

Примечательные данные о состоянии религии у кыр-

18 Архив Географического общества России в СПб. Разряд 2. Оп. 1. Д. 126. Л. 1. 9а.

19 Архив Географического общества России в СПб. Разряд 2. Оп. 1. Д. 126. Л. 1. 20 ЦГАДАР. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1551. Л. 830.

гыз-кочевников, преимущественно проживавших в северо-восточной части Кыргызстана, приводит в своём сочинении «Сведения о дикокаменных киргизах», написанном в 1855 г., русский переводчик И. Бардашев. В нём указывается, что «хотя, дикокаменные и считают себя мусульманами, но немногие из них знают о существовании Пророка. Пятивременное совершение намаза, омовение и сохранение рузы (поста) им можно сказать не известно... Но всего замечательно, что у народа этого до сих пор, хотя уже со слабыми оттенками сохранились разные верования в шаманство. Женщины и даже частью мужчины до сих пор поклоняются огню, поливая его салом и совершая это поклонение перед девятью светильниками в ночь с четверга на жуму (пятницу). При этом поклонении сохранились приёмы телодвижений и знамений руками. Мужчины иногда возжигают светильники у священных рощей, ими обоготворяемых, где, по приданию народному, когда-то или скончался какой-нибудь святой пилигрим, или совершил омовение. При этом если попадаете грамотный, то читает молитвы Корана. Появление в последнее время в их орде грамотных татар, осуждающих это поклонение, на-

чало мало-помалу искоренять их наследственные обычаи и привычки»²¹.

Побывавший в 1862 и 1869 гг. среди алатооских кыргызов В. В. Радлов дал свою квалифицированную оценку состояния их религии: «Ислам среди них имеет общее распространение, но исламитские учения и фанатизм чёрным киргизам чужды. Поэтому они сохранили в большей чистоте старые обычаи, чем их соседи» [23, с. 21].

Заключение

Таким образом, терминологическое многообразие названия кыргызов в русских источниках указывает, с одной стороны, на древнюю родственность этих этносов, а с другой – на их политическую активность в регионе проживания, а также отражает сам процесс познания русскими алатооских (тянь-шаньских) кыргызов как отдельного самостоятельного народа.

Сведения из русских источников в сопоставительном анализе с другими историческими источниками позволяют нам более глубоко и аргументированно осветить вопросы этнической и политической истории народов Центральной Азии, в частности кыргызов.

21 АВПР. Ф. Отношения России с киргиз-кайсаками. 1762–65. Оп. 122/2. Д. 14. Л. 269–271.

Литература

1. Бартольд В. В. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек: Шам; 1996. 608 с.
2. Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII веке (исторический очерк). Фрунзе: Илим; 1968. 140 с.
3. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л.: АН СССР; 1937. 607 с.
4. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. С 1585 до 1742 г. М.: Типография И. Н. Скороходова; 1838;1. 326 с.
5. Козмин К. К. Хакасы: историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск: Издание Иркутской секции научных работников Рабпроса; 1925. 185 с.
6. Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакаское книжное издательство; 1957. 308 с.
7. Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Издательство Красноярского университета; 1992. 224 с.
8. Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова; 2000. 272 с.
9. Арзыматов А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII века. Фрунзе: Кыргызстан; 1966. 92 с.
10. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука; 1983. 332 с.
11. Сапаралиев Д. Б. Взаимоотношения кыргызского народа с русским и соседними народами в XVIII в. Бишкек: Илим; 1995. 152 с.
12. Сапаралиев Д. Б. О взаимоотношениях тянь-шанских и енисейских киргизов в первой половине XVIII в. В: Тюркология-88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзный тюркологической конференции. Фрунзе: Илим; 1988:524–525.
13. Валиханов Ч. Ч. Черновой материал о киргизах. В: Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии; 1985; 2:167–170.
14. Абдыкалыков А. О термине «буруты». Советская этнография. 1963;(1):123–127.
15. Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Типография при Императорской Академии наук; 1774. 631 с.
16. Горячева В. Д., Мокрынин В. П., Массон В. М. и др. История Киргизской ССР с древнейших времён до наших дней.

Фрунзе: Кыргызстан; 1984;1. 798 с.

17. Бичурин Н. Я. Описания Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб.: Типография Карла Крайя; 1829;1–2. 327 с.

18. Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов, на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. СПб.: Типография С. Н. Худекова; 1895. 96 с.

19. Банзаров Д. Чёрная вера или шаманство у монголов и другие статьи Дорджи Банзарова. СПб.: Типография при Императорской Академии наук; 1891. 128 с.

20. Бейшеналиев Т. О термине «бурут» в китайских источниках Цинского времени. В: Хохлов А. Н. (ред.) Тезисы докладов XVIII научной конференции «Общество и государство в Китае». М.: Восточная литература: Наука; 1987;18(2):149–153.

21. Бейшеналиев Т. О. Буруты – дикокаменные киргизы? В: Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. М.: ГРВЛ; 1990;(1):139–143.

22. Рычков П. И. Топография оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. СПб.: Типография при Императорской Академии наук; 1762. 597 с.

23. Радлов В. В. Этнографический обзор турецких племён Сибири и Монголии. Иркутск: Власть труда, 1929. 26 с.

24. Ромодин В. А. (ред.) Материалы по истории киргизов и Киргизстана. М.: Наука; 1973;1. 280 с.

25. Рычков Н. П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-кайсацкой степи 1771 году. СПб.: Типография при Императорской Академии наук; 1772. 104 с.

26. Андреев И. Описание Средней Орды киргис-кайсаков. Новые ежемесячные сочинения. 1795;112:25–29.

27. Коншин Н. Каракиргизская депутация 1824 года. В: Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год. Семипалатинск: Типография Семипалатинского областного правления; 1900:69.

28. Юдахин К. Кыргызча-орусча сөздүк = Киргизско-русский словарь. М.: Советская Энциклопедия; 1965. 978 с. (На киргизском языке)

29. Сыдыков С. Кара деген сөздүн семантикасы жөнүндө = О

семантике слова. В: Тюркологические исследования. Фрунзе: Илим; 1983:84–91. (На киргизском языке)

References

1. Bartold V. V. Selected works on History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan. Bishkek: Sham; 1996. (In Russ.)
2. Abdykalykov A. The Yenisey Kyrgyzs in the 18th century (historical essay). Frunze: Ilim; 1968. (In Russ.)
3. Miller G. F. History of Siberia. Moscow; Leningrad: AN SSSR; 1937. (In Russ.)
4. Slovtsov P. A. Historical review of Siberia (1585-1742). Moscow: Tipografiya I. N. Skorokhodova; 1838;1. (In Russ.)
5. Kozmin K. K. The Khakas people: historical, ethnographic and economic review of Minusinsk Area. Irkutsk: Irkutskaya sektsiya nauchnykh rabotnikov Rabprosa; 1925. (In Russ.)
6. Potapov L. P. Origins and formation of the Khakas people. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatelstvo; 1957. (In Russ.)
7. Kyzlasov L. R. Historical review of Siberia and Central Asia. Krasnoyarsk: Izdatelstvo Krasnoyarskogo universiteta; 1992. (In Russ.)
8. Butanaev V. Ya., Khudyakov Yu. S. History of the Yenisey Kyrgyzs. Abakan: KhGU im. N.F. Katanova; 2000. (In Russ.)
9. Arizamatov A. History of political relations between the Yenisey Kyrgyzs and Russia in the 17th – first half of the 18th century. Frunze: Kyrgyzstan; 1966. (In Russ.)
10. Zlatkin I. Ya. History of the Dzungar Khanate 1635-1758. 2nd ed. Moscow: Nauka; 1983. (In Russ.)
11. Saparaliev D. B. Relations between the Kyrgyzs with the Russians and neighbouring peoples in the 18th century. Bishkek: Ilim; 1995. (In Russ.)
12. Saparaliev D. B. Relations between the Kyrgyzs of Tyan Shan and Yenisey in the first half of the 18th century. In Turkology-88. Paper abstracts of the 5th All-Union Turkology Conference. Frunze: Ilim; 1988:524–525. (In Russ.)
13. Valikhanov Ch. Ch. Drafts on the Kyrgyzs. In: Valikhanov Ch. Ch. Complete works. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii; 1985; 2:167–170. (In Russ.)
14. Abdykalykov A. About the term “Burut”. Sovetskaya etnografiya = Soviet ethnography. 1963;(1):123–127. (In Russ.)
15. Fisher I. E. Siberian history from the discovery of Siberia until the Russian conquest. St. Petersburg: Tipografiya pri Imperatorskoi Akademii nauk; 1774. (In Russ.)

16. Goryacheva V. D., Mokrynin V. P., Masson V. M. et al. History of the Kyrgyz Soviet Socialist Republic from ancient times until present. Frunze: Kyrgyzstan; 1984;1. (In Russ.)

17. Bichurin N. Ya. Description of Dzungar and Eastern Turkestan in ancient and modern times. St. Petersburg: Tipografiya Karla Kraiya; 1829;1–2. (In Russ.)

18. Aristov N. A. Uncovering ethnic composition of the Kirghiz-Kaisaks of the Great Horde, basing on ancestry legends and information on clan divisions and tamgas, as well as on historical data and anthropological research. St. Petersburg: Tipografiya S. N. Khudekova; 1895. (In Russ.)

19. Banzarov D. The black faith or shamanism among the Mongols and other articles (D. Bazarov). St. Petersburg: Tipografiya pri Imperatorskoi Akademii nauk; 1891. (In Russ.)

20. Beishenaliev T. About the term “Burut” in the Chinese sources of the Tsin period. Paper abstracts of the 18th scientific conference “Society and the State in China”. Moscow: Vostochnaya literatura; Nauka; 1987;18(2):149–153. (In Russ.)

21. Beishenaliev T. O. Buruts – Black Kyrgyzs? In: Written sources and problems of history and culture of the peoples of Orient. Moscow: GRVL; 1990;(1):139–143. (In Russ.)

22. Rychkov P. I. Topography of Orenburg: description of the Orenburg province, written by collegiate counsellor and correspondent of the Imperial Academy of Sciences Petr Rychkov. St. Petersburg: Tipografiya pri Imperatorskoi Akademii nauk; 1762. (In Russ.)

23. Radlov V. V. Ethnographic review of the Turkic tribes of Siberia and Mongolia. Irkutsk: Vlast truda, 1929. (In Russ.)

24. Romodin V. A. (ред.) Materials on history of the Kyrgyz people and Kyrgyzstan. Moscow: Nauka; 1973;1. (In Russ.)

25. Rychkov N. P. Diary entries of the captain Nikolay Rychkov’s travel in the Kyrgyz steppe of the year 1771. St. Petersburg: Tipografiya pri Imperatorskoi Akademii nauk; 1772. (In Russ.)

26. Andreev I. Description of the Kirghiz-Kaisaks’ Middle Zhuz. Novye ezhemesyachnye sochineniya = New monthly works. 1795;112:25–29. (In Russ.)

27. Konshin N. Black Kyrgyz deputation of the year 1824. In: Memorial book of the Semipalatinsk Oblast (1900). Semipalatinsk: Tipografiya Semipalatinskogo oblastnogo pravleniya; 1900:69. (In Russ.)

28. Yudahin K. Kyrgyzcha-oruscha sozdyk = Kyrgyz-Russian dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya; 1965. (In Kyrgyz)

29. Sydykov S. Kara degen sozdyn semantikasy zhonyndo = About the word semantics. In: Turkology studies. Frunze: Ilim; 1983:84–91. (In Kyrgyz)

*Болгарова Р. М. (КФУ, Казань),
Исламова Э. А. (КФУ, Казань)*

СРАВНЕНИЯ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СПЕЦИФИКИ ТАТАРСКОЙ И РУССКОЙ КАРТИН МИРА

Аннотация: В статье рассматриваются сравнительные конструкции татарского и русского языков как средства языковой категоризации татарской и русской картин мира. Данные конструкции представляют несомненный интерес, так как позволяют реконструировать наиболее важные стереотипы национального сознания. Проведенное исследование имеет практическую значимость, так как полученные результаты представляют собою ценный материал для исследования мировоззрения двух этносов.

Ключевые слова: языковая картина мира, сравнение, татарский язык, русский язык, национальное мировосприятие.

**Comparison as a way of representation of the specificity of
tatar and russian pictures of the world**

Abstract: The article deals with comparative constructions of Tatar and Russian languages as means of language categorization Tatar and Russian pictures of the world. These structures are of undoubted interest as they allow to reconstruct the most important stereotypes of national consciousness. The study has

practical significance, since the obtained results represent a valuable material for the study of the worldview of the two ethnic groups.

Keywords: language picture of the world, comparison, Tatar language, Russian language, national mentality.

Сопоставительное исследование двух или нескольких языков предполагает выявление универсальных и уникальных черт изучаемых языков. При этом мы рассматриваем язык не просто как систему знаков, а как средство общения, средство отображения мировоззрения человека.

Сравнительные конструкции любого языка являются одним из самых показательных средств репрезентации картины мира. Целью нашего исследования является выявление специфики татарской и русской языковых картин мира посредством сравнительных конструкций. Актуальность данного исследования объясняется тем, что воспроизведение системы представлений, которая отражена в сравнениях татарского и русского языков, помогает выявить универсальное и уникальное в мировоззрении двух этносов; выявить скрытые национально-культурные смыслы в содержании сравнительных конструкций в сопо-

ставляемых языках.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют работы В. фон Гумбольдта, Э.Сепира, А.А. Потебни, Е.Ф. Арсентьевой, Н.Д.Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, Г.А. Багаутдиновой, Л.К. Байрамовой, Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, Р.Р. Замалетдинова, Ю.Н. Караулова, В.А. Масловой, В.М. Мокиенко, А.В. Петровского, Э.М. Солодухо, В.Н. Телия, Н.М. Шанского, А.Д. Шмелева и др.

Национальное мировидение закрепляется в семантике языковых единиц разных уровней, однако наиболее отчетливо в его строевых элементах, в число которых входят сравнения, фразеологизмы, метафоры, поскольку эти единицы отражают образную интерпретацию реалий окружающей действительности.

В сравнениях запечатлен богатый исторический опыт народа, отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей.

Национально-культурное своеобразие сравнительных конструкций особенно наглядно проявляется при сопоставлении языков, что позволяет выявить сходство и различие в образах и эталонах, лежащих в основе сравнений. Выделение универсальных черт в

сравнительных конструкциях двух или более языков облегчает понимание этнокультурной специфики. Каждый народ по-своему воспринимает окружающий мир и, следовательно, по-своему создает языковую картину мира. Данное своеобразие отчетливо проявляется при сопоставлении картин мира разных народов.

Языковая картина мира – это системное, целостное отображение действительности с помощью различных языковых средств. В любом языке имеется общечеловеческое ядро картины мира, которое выступает базой для взаимопонимания людей разных национальностей. Это связано и с единством материального мира, и со схожестью этапов исторического развития отдельных народов и т.п. Несмотря на кажущуюся универсальность, каждый народ проживает в определенной местности и при определенных природных и климатических условиях, каждый народ имеет свои особенности в материальной и духовной культуре. Основными отличительными особенностями являются религия и верования, обычаи и традиции. Все это находит отражение и в языке. Следовательно, языковая картина мира формируется универсальными и уникальными языковыми средствами. Кро-

ме того, картину мира каждого человека составляют также свои собственные, субъективные представления о мире, которые формируются в течение всей его жизни.

«Языковая картина мира формируется, с одной стороны, языковыми средствами, отражающими языковые универсалии, а с другой – языковыми средствами, закрепляющими особенности мировидения того или иного народа. Не существует единой универсальной картины мира, а есть множество национальных картин мира, своеобразие, уникальность которых можно увидеть лишь в ходе сопоставления мировидения разных народов, говорящих на разных языках» [1, с. 13].

Языковая картина мира у представителей разных этносов может отличаться по нескольким причинам. Это и социальные, и природные факторы, также большую роль играют и различия в религиозных взглядах. Поэтому мы можем говорить о том, что языковая картина мира и универсальна, и уникальна. Определить уникальность мировидения разных этносов мы можем лишь при сопоставительном изучении картин мира.

Различия этноязыковых картин мира проявляются в лексическом фонде языка,

фразеологии и, в меньшей степени, в грамматике. Очевидно, что «компаративные конструкции являются ценным материалом для выявления некоторых особенностей языковых картин мира разных этносов, поскольку они имеют семантический и грамматический планы выражения, являясь не только лингвистической категорией, но и познавательной категорией, отражают особенности мышления представителей различных этносов» [2, с. 16].

Сравнительные конструкции разных языков отличаются, так как они фиксируют вторичные ощущения, и в них отражаются представления о мире, особенности мышления, характерные для той или иной этнокультурной общности. По мнению В.А. Масловой, «мир, отраженный сквозь призму механизма вторичных ощущений, запечатленных в метафорах, сравнениях, символах, – это главный фактор, который определяет универсальность и специфику любой конкретной национальной языковой картины мира» [3, с. 70]. Поэтому сопоставительный анализ компаративных единиц позволяет обнаружить общее и специфическое в культуре этносов, исследовать феномен этнической ментальности, выявить факторы, влияющие на своеобразие сравнительных

конструкций, характерных для разных языков.

Специфичными для того или иного этноса являются сравнительные конструкции, в которых эталоны взяты из мифологического пласта национального сознания. Объектом сравнения в данных конструкциях является человек, а в качестве эталона выступают образы мифологических и фольклорных героев, также религиозные образы. Основой сравнения являются представления о внешности и характере. Например:

Аның йөзе кәфендәй агарган, күз карашлары битараф, күңелендә дөнья кайгысы калмаган иде (Ф.Садриев);

Бәр көнне иртән иртүк ул, мотоциклының сиртмәле биленә атланып, такыр юлдан пырылдап, тирбәлә-тирбәлә Сыртланга китеп бара, ә кич белән тагын шулай жен кебек машинасында тумырылып кайтып житә иде (Г.Әпсәләмов);

Кабер сырты кебек, кемнеңдер дәү аркасы калыкты (Г.Әпсәләмов);

Дарья провалилась в холодную вязкую трясину, едва ползком выбралась, грязная и мокрая, как ведьма (В.Распутин),

Дядя с племянником гоняли голубей, размахивая шестами на крыше и свиста, как соловьи-разбойники

(Е.Евтушенко);

Под банькой с удочками в руках стояли вовсе не мальчишки, а взрослые мужчины карликового роста. Один из них был даже старый; длинные как у попа седые волосы спадали из-под шляпы на воротник пальто (Ю.Нагибин);

– Тебе, брат, Виктор Петрович, малость постричься надо, а то зарос ты как дьячок, смотреть на тебя неинтересно (В.Закруткин).

Данные сравнения являются уникальными, так как являются носителем этнокультурной информации.

Следующая группа сравнительных конструкций является универсальной, так как основана на общечеловеческих знаниях. Например, при описании глаз в обоих языках часто используются названия небесных тел:

Тукайны күрүемә ыргытты гасыр үтте инде, ә мин аның күзләрен әле дә булса хәтерлим. Еллар тирәнлегеннән алар миңа якты йолдызлар сыман карыйлар (Г.Әпсәләмов);

Аның кара күзләре нур белән тулы, әйтерсەң, ике тере йолдыз карап тора (Г.Әпсәләмов);

А когда она поднимала свои ресницы, чтобы взглянуть на него, то глаза ее сияли как звезды и становились влажными (А.Куприн);

Его глаза смотрят прямо перед собой в окно, в закатное

весеннее небо, и я знаю, что сейчас они не косят, что они синие, глубокие и сияют как звезды (И.Одоевцева).

Но иногда при описании один и тот же образ может характеризовать предмет или явление с разных сторон. Например:

Фин, мәче башлы ябалакның караңгыда ялтыраган сары күзләре төсле зәәрле күзләрен ялтыратып экрен генә борыла башлады (Г.Әпсәләмов);

– Вон, я говорю! – повторил Филипп Филиппович, и глаза его сделались круглыми как у совы (М.Булгаков);

Она смотрела на Алексея с веселым удивлением круглыми как у совы, светлыми нагловатыми глазами (Б.Полевой).

Данные сравнительные конструкции также являются универсальными для сопоставляемых языков. Поэтому не все сравнительные конструкции являются носителями культурно-национальной информации. В исследуемых языках встречается большое количество сравнений, в которых эталоном сравнения становятся предметы или явления, связанные с общечеловеческими знаниями.

Анализ сравнительных конструкций показал, что универсальность и особенности мировосприятия и миропонимания носителей татарского

и русского языков особенно ярко проявляются в сравнениях, в которых в качестве эталонов и оснований сравнения могут выступать различные специфические явления быта, этнокультуры. Наиболее объемной в этом отношении является сфера, объединяющая в себе названия предметов быта. Данные предметы чаще всего являются эталонами сравнения при описании внешности и характера человека. В основу сравнения могут ложиться такие качественно-характеризующие признаки эталона, как форма или размер:

Эмма балаларныкы кебек почмакланып торган кабарынкы иреннәре, уң битендәге инә очы хәтле генә миңе, нәфис буге-сыны бер дә үзгәрмәгән (Г.Эпсәләмов);

Сакалы ак, аркасы дуга кебек бөкрәйгән (Г.Эпсәләмов);

Старшая девочка, лет девяти, высоконькая и тоненькая как спичка.., стояла в углу подле маленького брата.. (Ф.Достоевский);

Тут Степа повернулся от аппарата и в зеркале, помещавшемся в передней, давно не вытираемом ленивой Груней, увидел какого-то странного субъекта – длинного как жердь и в пенсне... (М. Булгаков);

цвет: Чырае мич йөзе кебек ап-ак (Г.Эпсәләмов);

Глаза бы свои пожалела.

Выцветут и будут как оловянные плошки (К.Паустовский);

и др.: Кулым балта кебек каты минем... (Г.Гыйльманов);

Но знаю я, что ваши плечи – Я целовал их уж во сне – Нежны, как восковые свечи (Н.Гумилев).

В качестве основания сравнения выступают и экзистенциальные признаки предметов быта: способ существования, издаваемые звуки или их отсутствие и т.п. Например:

Көянтә шикелле урталай бөкрәйгән татар шәкерте узып ките (Ф.Әмирхан);

А тут опять входит Лелька... Подошла ко мне близко-близко и улыбается своей чертовой улыбочкой, и я уже начинаю чувствовать, что и сам расплываюсь и сияю как медный самовар (В.Фролов).

Близкими к данной сфере являются названия одежды, обуви и различных аксессуаров. Использование их дифференциальных признаков в качестве оснований сравнения также служит для описания внешности человека. Например:

Чәчләре, ефәк шәл булып, бөтен гәүдәсен урап ала... (Г.Гыйльманов);

Сәлим аның түгәрәк йөзенең, кечкенә кара күзләенең эчке нурдан жәүәр кебек балкып китүен бик ачык күрде (Г.Эпсәләмов);

Попался навстречу негр...

– лицо, как мокрая галоша (В.Набоков);

Он прямо смотрел на меня своими светлыми глазками, которые, как бусины, торчали на маленьком усатом лице (В.Каверин).

Слова данной группы могут выступать в качестве эталона сравнения и для описания предметов или явлений:

Өлегэ хэтле колак алкасы кебек кечкенэ кармак яки өч-биш сажинлы бредниктан башка кораллар белэн балык тотканны күрмэгэнлектэн, мондагы эшлэр аңа шактый сээр тоела иде (Ш.Камал);

Яратам мин айлы-йолдызлы төннэрне, күк йөзе энже белэн чиккэн кара хэтфэ кэләпүшкә охшый (Г.Эпсәләмов);

В часы, когда у доктора прием, Салон безмолвен, как сало́п на вате (Б.Пастернак);

Тяжелые капли росы висели на дрожащих листьях осинника, как рубиновые сережки (Г.Шолохов-Синявский).

Следующая сфера образов представлена названиями продуктов и блюд национальной кухни. При описании человека основанием сравнения становится их цвет:

Иске генэ кәжән кигән бу карт чып-чын Хозыр Ильяс иде: сөт кебек ап-ак сакал-мыегы аңа ила.илык, серлелек, изгелек төсмере ягып тора (Г.Гыйльманов);

Из тумана выныривали

обмороженные лица прохожих, красные, как колбаса (Б.Пастернак);

форма: Иреннәре уңган камырдан пешергән кабар-тма хэтле булып кабарган (Н.Гыйматдинова);

Охватив пальцами, толстыми, как сосиски, ручки кресла, он попробовал поднять непослушное тело (М.Горький);

а также признаки, отражающие потерю первоначальной формы и размера после их технологической обработки:

Сафринэ миннән чибәррәк, ул тутырган тавык төсле тулы гәүдәле, ә мин – ябык чебеш идем (Н.Гыйматдинова);

Старая цыганка – лицо – как печеное яблоко – вглядывалось в него (В.Максимов).

В основу данных сравнений могут ложиться также запах, твердость/мягкость, способ приготовления и т.п.:

Янчуринның бөтен йөзе казмае белән майлангандай елтырый иде. (Ф.Садриев);

Күңелен май кебек йомшак булсын, телең бал кебек татлы булсын (Н.Дәүли);

Белая потная грудь лоснилась на солнце, точно смазанная жиром (М.Горький);

Гаргилиан лежал... дряблый, мягкий, как студень (Д.Мережковский);

У нее было смуглое гладкое, словно глазурью облитое, лицо (Ю Нагибин).

Этнокультурная специфика

сравнительных конструкций проявляется в выборе предметов и явлений для создания образов сравнения, а также предметов и явлений, подвергающихся сравнению, и даже способов выражения сравнения. В семантике каждого национального языка складывается система образов, в которых аккумулируется культурная информация.

На своеобразие сравнительных конструкций в татарском и русском языках влияют особенности мышления, духовного склада, мирозерцания, исторического развития этноса, его национальной культуры и среды обитания.

Таким образом, возникновение в татарском и русском языках близких коннотаций обусловлено универсально-

стью человеческого мышления, общностью истории и территории проживания, а присвоение одним и тем же образам различных качеств и коннотаций определяется спецификой видения действительности представителями разных народов, отличиями в быте, культуре и религии. Изучение сравнений и сравнительных конструкций в сопоставительном аспекте представляет интерес не только для лингвистики и лингвокультурологии, но и психологии, так как данные конструкции отражают не только особенности быта, обычаи и традиции народа, но и фиксируют определенные стереотипы мышления, характерные для определенной этнокультурной общности.

Литература:

1. Замалетдинов Р.Р. Татарская культура в языковом отражении. – М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС; Казань: Магариф, 2004. – 239 с.
2. Болгарова Р.М. Сравнения в русском и татарском языках: семантико-функциональный и сопоставительный аспекты. – Казань: Отечество, 2015. – 136 с.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

Шайхуллин Т. А., Набиуллина В. Р. (РИИ, Казань)

ФУНКЦИИ АРАБСКОГО ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА

Аннотация: В статье освещаются различные классификации арабских заголовков исходя из их функций. Проанализированы и описаны функции заголовков исходя из взглядов восточных и западных исследователей.

Ключевые слова: газетный заголовок, арабский язык, заглавие, функция газетного заголовка.

Functions of arabic newspaper headlines

Abstract: The article highlights various classifications of Arabic headlines based on their functions. The functions of headlines are analyzed and described on the basis of the views of Eastern and Western researchers.

Keywords: newspaper headline, Arabic language, heading, function of newspaper headline.

Существует несколько классификаций заголовков соответствующих их функций и роли. Многие лингвисты-исследователи, занимающиеся изучением газетных заголовков, затрагивают этот вопрос и предлагают свои классификации. Вместе с тем этот вопрос остается спорным, в виду отсутствия единогласного мнения об особенностях этих функций и их количестве.

Многие исследователи в области лингвистики и журналистики выделяют три этапа, по которым воспринимается текст:

- 1) Дотекстовый.
- 2) Знакомство с текстом.
- 3) После прочтения.

На каждом из этих этапов газетный заголовок выполняет свои функции.

1. Заголовки выделяют и отделяют друг от друга материалы на газетной полосе. Все заголовки, выполняя эту задачу, несут графически-выделительную функцию. Эта функция является единственной, реализующейся при помощи использования цветов, приемов верстки, различных выделений шрифта, использованием графических средств, то есть неязыковыми средствами. Заголовок своей формой приводит в активность непроизвольное внимание читателя без каких-либо волевых усилий. Внимание скользит по заглавиям, останавливаясь чаще всего на тех, чья форма кажется более привлекательной. Однако непроизвольное внимание сменяется произвольным, то есть, контролируемым сознанием. Здесь читатель обращает внимание на языковое оформление заголовка.

Здесь реализуется номинативная функция заголовка. Им называют текст, он является его именем, подобно имени собственному. Любой заголовок называет текст, с этой точки зрения любой из них несет номинативную функцию. Он делит содержание газетного номера на конкретные публикации.

2. Читатель в процессе знакомства с текстом держит его заголовок в своем поле зрения. Название помогает осознать ему смысл той или иной публикации, а также понять журналистскую точку зрения и идею. Здесь осуществляется информативная функция заглавия. Оно в свернутом виде выражает содержание публикации, которое представляет собой цепь связанных и истекающих друг из друга тезисов.

Заголовок принимает участие в формировании эмоционального воздействия, выполняя тем самым оценочно-экспрессивную функцию. Она определяется в том, что данная публикация призвана внушить аудитории определенные положения или установки, которых придерживается ее автор.

Заглавие выполняет интегративную функцию, облегчая восприятие текста и принимая участие в организации языковых средств. Здесь эта функция понимается как способ достижения текстовой целостности и слитности, что позволяет рассматривать его как самостоятельное единство.

Заголовок выполняет свою композиционную функцию, облегчая чтение публикации и прогнозируя членение текста на части. Такой заголовок облегчает восприятие текста, разделенного на главы.

3. Читатель запоминает публикацию в том случае, когда она обращает на себя внимание содержанием и композиционно-речевым построением. При закреплении содержания материала в памяти основной функцией является номинативная [1].

Арабские исследователи опираются в своих работах на классификацию функций заголовков, предложенную Жераром Женнетом. Он подразделяет их на:

1. Определяющую. Здесь определяется название текста, которое должно быть максимально точным при использовании минимума слов.

2. Описывающую. Здесь заголовок дает представление читателю о содержании текста. Он ответственен за те предположения, которые появляются у него при прочтении данного заголовка.

3. Заключающую в себе внушение. Эта функция тесно связана с предыдущей.

4. Побуждающую. Заголовок должен содержать все элементы, побуждающие читателя к прочтению предлагаемого материала.

В данной классификации Женнет делает замечание, что последняя функция является сомнительной. Как бы подтверждая свои догадки, он задает вопрос: «Выполняя эту функцию, заголовок являет-

ся представителем книги или же представляет сам себя?» С его мнением соглашается и французский семиолог и литературовед Ролан Барт, где он спрашивает, что же лучше: привлекательная книга или же всего лишь привлекательное название? Здесь автор указывает на необходимость соблюдения морального кодекса чтения и прав читателей [3].

В тоже время, как Жак Деррида считает, что эта функция является такой же полноценной и самостоятельной, как и другие.

Интересна классификация марокканского исследователя Идриса Макури. Он определяет заголовок как языковой и семиотический знак, который находится в начале текста и имеет следующие функции:

1. Определяющая;
2. Называющая;
3. Указывающая;
4. Правовая;
5. Идеологическая;
6. Влияющая;
7. Наглядная;
8. Сюжетная или предметная;
9. Внушающая;
10. Функция гармоничности и гармонии;
11. Разъясняющая;
12. Языковая и семиотическая;
13. Знаковая и смысловая.

Правовую функцию он объясняет наличием двусторон-

ней политической и торговой связи между книгой и заголовком, где последний выступает ее частью. Книга – это не только предмет литературы и искусства, но и товар, который должен продаваться, соответственно, и заголовок является неотделимой частью этого товара, то есть частью, относящейся к авторскому праву и входящей в правовое соглашение между законом и автором этой книги или статьи.

Сабрина Бусхаба в своей работе опирается на классификацию, предложенную Генри Миттераном. На этого же ученого ссылаются и Джамиль Хамдауи и Мухаммад Мифтах. Миттеран подразделяет функции заголовков на:

1. Определяющую. Заголовок находится над текстом и определяет или отделяет его от других;

2. Побуждающую. Заголовок подталкивает читателя к прочтению предлагаемого материала;

3. Идеологическую [8].

Здесь же Миттеран ссыла-

Литература:

1. Мони́на Т.С. Информативные функции газетного заголовка // В сборнике: «Иностранный язык в образовательном пространстве России и мира: традиции и инновации» Материалы всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – 2014. – С. 30.

2. Никифорова Ж.А. Проблема выделения функций газетных заголовков // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 10-1 (29). – С. 76-77.

ется на Лео Хокка, который подразделяет все заголовки на субъектные и объектные. Субъектные указывают на тему публикации, а для объектных главной целью является прочтение самого текста.[4]

Бусхаба также упоминает классификацию Романа Джакобсона. Он считает, что заголовок – это сообщение, которым обмениваются отправляющий данное сообщение и его получатель. Поэтому функции заголовка можно разделить на:

- 1) Функция ссылки или указания;

- 2) Эмоциональная;

- 3) Побуждающая;

- 4) Коммуникативная;

- 5) Метаязыковая;

- 6) Поэтическая или эстетическая [8].

Джамиль Хамдауи в своей работе «Семиотика и титрология», используя вышеупомянутую классификацию, а также добавив к ней визуальную функцию, составляет таблицу, которая дает подробное объяснение этим функциям: [6]

3. Henri Mitterrand, les titre des romans de guy des cars, sociocritique, prīsentī par Claude duchet, Nathan, 1979, p 90, p 92.

4. Gerard Genette, Seuils, 1987 (translated as Paratexts. Thresholds of interpretation, 1997).

5. جميل حمداوي، السيميوطيقا والعنونة، ص 101

6. جميل حمداوي، السيميوطيقا و العنونة، عالم الفكر، المجلد 25 ، ع / 3، تصدر عن المجلس الوطني للثقافة و .
الفنون و الادآب، الكويت، 1997 ، ص 104

7. محمد مفتاح، دينامية النص، المركز الثقافي العربي، الدار البيضاء، المغرب، ط 1، دط، ص 72

8. صبرينة بوسحابة، النص الادبي وشعرية العنونة، المقال بناءً عن صلاح الدين بوجاه، في الواقعية الروائية، الشيء .
بين الجوهر و العرض، المؤسسة). 1993، الجامعية للدراسات و النشر و التوزيع، بيروت، ط 1، ص 15

9. محمد عيلان، محاضرة السرد الشعبي لطلبة السنة الأولى ماجستير، الأدب العربي، العام الجامعي 2003 / 2004 ،
ص 17

Абдрахманова М. Н (РИИ, Казань)

ПЕРЕХОДНЫЕ И НЕПЕРЕХОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: В данной статье рассмотрено краткое сравнение категории переходности и непереходности глаголов в русском и арабском языках. Также описано сравнение и выявление взаимовлияния русского и арабского языков в процессе лингвистического взаимодействия на основе сопоставления глаголов как частей речи.

Ключевые слова: лингвистическое взаимодействие, категория переходности и непереходности, синтаксический параметр, типологическое изучение, свойство глаголов.

Transitive and intransitive verbs in Russian and Arabic

Abstract: In this article, we consider a brief comparison of the category of transitivity and intransitivity of verbs in Russian and Arabic. Also described is the comparison and identification of the interaction of Russian and Arabic languages in the process of linguistic interaction based on the comparison of verbs as parts of speech.

Key words: linguistic interaction, category of transitivity and intransitivity, syntactic parameter, typological study, property of verbs.

В современном мире, с его растущей глобализацией и ростом международных контактов постоянно возрастает значимость изучения соотношения различных языковых культур в их интеграции в общемировое пространство [4, с. 67]. В условиях современной международной интеграции все большее значение приобретает обмен языковыми культурами, и формирование определенных отношений между языками, которые позволяют совершенствовать межнациональную коммуникацию.

Особой формой глагола в русском языке является причастие – это особая форма глагола, которая обозначает признак предмета по действию и сочетает в себе признаки глагола и прилагательного. Признаки причастия семантический, морфологический, синтаксический признаки глагола и признаки прилагательного. Причастие отвечает на вопрос: какой? – быстродействующий [11, с. 48].

Другой особой формой глагола в русском языке является деепричастие – неизменяемая форма глагола, обозначающая добавочное действие по отношению к основному, передаваемому глаголом-сказуемым, и совмещающая признаки глагола и наречия. Обозначает добавочное действие при основном и отвечает на вопросы:

что делая? что сделав? как? [1, с. 56].

Начальная форма деепричастия это инфинитив глагола. Действие, называемое деепричастием, всегда производится тем же лицом или предметом, которое производит основное действие, выраженное глаголом-сказуемым: Выйдя из дома, я встретил друга. Или: Когда я вышел из дома, мне встретился друг. Деепричастие вместе с зависимыми словами образует деепричастный оборот.

Отличительной чертой для всех форм глагола является выделение переходности. Переходные глаголы – это глаголы, способные присоединять наиболее привилегированное, т.н. прямое дополнение, или прямой объект (в русском языке – обычно дополнение в винительном падеже) [11, с. 77].

Переходность – это категория, связанная со способностью глагола присоединять такое дополнение.

Глаголы русского языка делятся на:

1) Переходные, которые допускают прямое дополнение, например:

Бабушка будит внука.

2) Непереходные, которые не допускают прямого дополнения, например:

Внук спит.

Сын помогает маме.

В русском языке класс пе-

реходных глаголов заметно шире непереходных.

Переходные глаголы способны сочетаться с существительным, местоимением в винительном падеже без предлога.

Читать (кого? что?) книгу; писать (кого? что?) письмо; качать (кого? что?) ребенка, люльку.

Переходные глаголы способны сочетаться с существительным, местоимением в родительном падеже без предлога:

1) если есть отрицательная частица не перед переходным глаголом: понял задачу — не понял задачи; читал роман — не читал романа; терять время — не терять времени;

2) если действие переходит не на весь предмет, а только на его часть: выпил воду (всю воду, о которой идет речь) — выпил воды (часть), принести дрова — принести дров.

Непереходные глаголы не способны сочетаться с существительным, местоимением в винительном падеже без предлога (нельзя: ссориться — кого? что?; летать — кого? что?).

Все возвратные глаголы непереходные: Мыться, решить-ся, беречься.

Таким образом, глаголы, которые обозначают действие, переходящее на предмет, называются переходными. Все

остальные глаголы являются непереходными.

Переходные глаголы имеют (или могут иметь) при себе имя существительное или местоимение в винительном падеже без предлога: брал (что?) книгу (в.п.), встречать (кого?) его (в.п.).

Переходными глаголами — являются глаголы с объектной валентностью. Традиционно переходность не считается чисто семантической категорией: при переходном глаголе грамматическое дополнение должно выражаться винительным падежом без предлога. В отрицательных предложениях винительный может заменяться родительным беспредложным падежом, например: Одна ласточка не делает весны. При этом семантическая роль объекта не влияет на определение переходности: объект может быть как живым, так и неживым, например: Вижу кошку одно дерево.

Однако, он может как создаваться, так и наоборот, разрушаться, например: Строить дома. Есть яблоко. Кроме того, глагол может и не подвергаться воздействию, например: Слышу шорох [10, с. 56].

Существуют и другие семантически мотивированные группы переходных и непереходных глаголов. Переходность в определенной мере коррелирует с семантически-

ми характеристиками ситуации и свойствами участников, однако для русского языка эта корреляция довольно слабая.

Специального морфологического показателя категория переходности в русском языке не имеет. Однако имеются корреляты переходности: в частности, практически все возвратные глаголы являются непереходными (исключение составляет, например, глагол бояться, в современном языке имеющий переходное употребление бояться маму).

Арабский глагол обязательно включает в себя наименование лица, и потому сама по себе уже составляет предложение (совокупность деятеля и действия).

В связи с отсутствием в арабском языке инфинитива исходной формой глагола при образовании других форм принято считать форму 3-го лица мужского рода единственного числа прошедшего времени. كَتَبَ - эта форма с словарях условно переводится на русский язык инфинитивом («писать»). Для удобства начнем с прошедшего времени. Правильный глагол в прошедшем времени состоит из неизменяемой трехбуквенной коренной основы, при его спряжении изменяются только окончания, которые указывают на лицо, род и число.

Пример:

Спряжение глагола جَلَسَ – «сидеть» в прошедшем времени единственного числа:

Я сидел جَلَسْتُ

Ты сидел جَلَسْتَ

Ты сидела جَلَسْتِ

Он сидел جَلَسَ

Она сидела جَلَسَتْ

В связи с отсутствием в арабском языке грамматической категории вида у глагола его перевод на русский в совершенном или несовершенном виде зависит от семантики глагола и смысла всего предложения.

По значению глаголы делятся на переходные и непереходные. Переходные глаголы требуют после себя прямого дополнения (дополнения в винительном падеже. Остальные глаголы являются непереходными [8, с. 63].

В зависимости от наличия или отсутствия прямого дополнения (الْمَفْعُولُ بِهِ) глаголы в арабском языке бывают переходными и непереходными.

Переходными в арабском языке называются такие глаголы, которые имеют при себе прямое дополнение (имя в винительном падеже, обозначающее лицо или предмет, на которое падает действие).

Например:

قَرَأْتُ الْكِتَابَ الْيَوْمَ Я сегодня читал книгу.

ضَرَبَ الْوَلَدُ الْكَلْبَ بِالسُّوطِ Мальчик ударил собаку плеткой.

رَأَيْتُ زَيْدًا فِي الْجَامِعَةِ Я видел Зейда в

университете.

То есть переходными называются глаголы, действие которых переносится на объект. Иными словами, в действии, обозначенном переходным глаголом, кроме подлежащего, может участвовать еще один элемент, выступающий объектом действия, на который и переходит воздействие глагола и который называется прямым дополнением, например: «Студент открыл тетрадь».

Для обозначения переходного глагола в арабской грамматике в основном используется термин, от глагола «переходить». Имеется в виду, что действие глагола непосредственно переходит на прямое дополнение.

Кроме основного термина, встречаются также и – соответственно от глаголов «падать» и «переходить». Имеется в виду, что действие глагола «падает» или «переходит» на прямое дополнение.

Переходный глагол в арабском языке делится на два вида: прямо переходный и косвенно переходный. Прямо переходный глагол воздействует на прямое дополнение непосредственно без каких-либо дополнительных средств [4, с. 89].

Такой глагол имеет при себе явное прямое дополнение, например: «Я прочитал книгу» –

قَرَأْتُ الْكِتَابَ – явное прямое дополнение в винительном падеже.

Косвенно переходный глагол воздействует на свое дополнение с помощью дополнительных средств, в качестве которых употребляются предлоги. Например: «Я пошел с тобой» – ذَهَبْتُ بِكَ. Такой глагол имеет при себе неявное прямое дополнение. С терминологической точки зрения было бы удобнее в дальнейшем называть явное прямое дополнение просто прямым дополнением, а неявное прямое дополнение – косвенным или предложным дополнением.

Поскольку в арабском языке неявное прямое дополнение всегда оформляется с помощью предлога, то более точным обозначением был бы термин «предложное дополнение». Считается, что предложное дополнение по месту и характеру употребления находится в состоянии винительного падежа, но формально – в родительном падеже, поэтому ему можно дать следующую флексивную характеристику, например:

«Мы слушали лекцию» – لَعَدْ
اسْتَمَعْنَا إِلَى مُحَاضَرَةٍ – предложное дополнение в состоянии винительного падежа (формально в родительном падеже).

Вдвойне переходные глаголы представляют собой группу глаголов, которые можно разделить на определенные кате-

гории и основные из которых можно запомнить. Однако при этом следует знать, что эта группа в количественном отношении может значительно расширяться за счет превращения переходных глаголов во вдвойне переходные с помощью дополнительных моделей, которые придают глаголу переходность.

Вдвойне переходные глаголы делятся, в свою очередь, на две группы:

- Глаголы с двумя дополнениями, которые по отношению друг к другу не могут быть подлежащим и сказуемым именного предложения.

Например:

«Мы дали ему книгу» – «أَعْطَيْنَا لَهُ الْكِتَابَ»;

«Я запретил Ахмеда шутить» – «مَنْعْتُ أَحْمَدَ التَّنَزُّحَ»;

«Я покрыл бедного одеждой» – «كَسَوْتُ الْفَقِيرَ ثَوْبًا».

Глаголы с двумя дополнениями, которые по отношению друг к другу могут быть подлежащим и сказуемым именного предложения. Эти глаголы, в свою очередь, делятся на две группы: глаголы ощущения и глаголы превращения.

К глаголам ощущения относятся глаголы, значение которых связано с внутренним ощущением человека, которое воспринимается сердцем, отсюда и название – от сердца – «مِنْ الْقَلْبِ». К ним относятся та-

кие глаголы как:

أَفَى – видел, دَرَى/عَلِمَ – знал, رَأَى – нашел, خَالَ/ظَنَّ – думал, تَعَلَّمَ – обучался, حَسَبَ – считал, جَعَلَ – делал, حَجَا – думал, عَدَّ – считал, زَعَمَ – утверждал, هَبَّ – бушевал /вспыхнул.

Например:

«Ты думал, что Халид путник?» – «هَلْ ظَنَنْتَ خَالِدًا مُسَافِرًا?»;

«Я думал, что он путник» – «ظَنَنْتُهُ مُسَافِرًا».

Реже встречается и другое обозначение – от того же слова. Вместе с тем следует отметить, что не каждый из этих глаголов ставит в винительный падеж два дополнения. Среди них есть глаголы, которые ставят в винительный падеж одно дополнение, а также и непереходные глаголы.

Непереходные глаголы в арабском языке – это глаголы, которые не имеют при себе прямых дополнений. По отношению к таким глаголам нельзя задать вопрос винительного падежа (кого? что?). Например:

Мальчик спал на кровати – نَامَ الْوَلَدُ عَلَى السَّرِيرِ

При употреблении некоторых переходных глаголов нередко происходит усечение предлога управления, при этом предложное дополнение переходит в разряд прямого дополнения и получает винительный падеж. Однако усечение предлогов перед частицами и носит уже смоделированный

характер, т.е. его можно распространить и на другие случаи, однако при этом следует учитывать, что такое усечение является, во-первых, разрешенным, а не обязательным, а во-вторых, допускается только в тех случаях, где усечение предлога не приведет к искажению смысла высказывания.

При употреблении вдвойне переходных глаголов возможно усечение обоих дополнений при условии, что контекст позволяет их восстановить, например:

– Ты полагал, что Халед ученый? – «كُنْتَ تَعْتَقِدُ أَنَّ خَالِدَ عَالِمًا؟».

– Я полагал – «طَنَنْتُ».

В ответе оба дополнения отсутствуют, но они легко восстанавливаются из контекста:

«Я полагал, что он ученый» – «أَحْسِبُ أَنَّهُ عَالِمًا».

В зависимости от контекста может произойти усечение только одного дополнения, например:

«Ты полагаешь, что кто-то уедет?» – «هَلْ تَعْتَقِدُ أَنَّ شَخْصًا مَا سَوْفَ تَذْهَبُ?».

«Я полагаю, что Халед» – «6] «أَعْتَقِدُ أَنَّ خَالِدَ», с.35].

В русском языке в отличие от арабского языка, важно обратить внимание на случаи расхождения в управлении глаголов. Когда переходным глаголам русского языка соответствуют непереходные глаголы арабского языка: «искать» (что?) – دَفَعَ عَنْ (о чем?), «защи-

щать» (что?) – دَفَعَ عَنْ (о чем?), «побеждать» (кого? что?) اِنْتَصَرَ عَلَى (на что? за что?), «беречь» (что?) – اِحْفَظْ عَلَى (на что?), «чувствовать» (что?) – شَعَرَ بِ (с чем?). Это приводит к ошибкам в речи: «Народ бережет за свободу», «Она защищала о диссертации», «Он пошел к врачу, потому что чувствовал с болью» и тому подобные.

Арабские непереходные глаголы, образованные от переходных глаголов, управляющих одним прямым дополнением, обладают значением возвратности и страдательного залога. В русском языке значения глаголов этой группы передаются преимущественно аналитической конструкцией глагола бытия и именной части в творительном падеже, либо синтетически возвратным глаголом с аффиксом «ся».

Переходность арабского глагола является одной из проблем, которая осложняет понимание арабского текста. Знание всех проблем, связанных с классификацией, особенностями употребления и значений переходных и непереходных глаголов, а также понимание всех вопросов управления прямыми и предложными дополнениями в арабском тексте способствуют лучшему пониманию арабского текста и качественному переводу.

Проанализировав падеж арабского и русского языков как языковой знак, можно прийти к следующим выводам: в обоих языках падеж выражается (план выражения знака, «означающее») внутри слова специальным морфологическим показателем, что характеризует их как синтетические языки; в русском языке есть типы склонения и морфологические чередования основы при добавлении падежной флексии, что говорит о фузионном характере русского языка, в арабском же языке падежная флексия не вызывает изменений в самом корне, что говорит об агглютинативном характере падежного аф-

фикса [3, с. 90].

В обоих языках винительный падеж – это, чаще всего, падеж прямого дополнения. Однако в арабском языке переходность распространена шире, чем в русском, и это обстоятельство часто вызывает затруднения у изучающих арабский язык.

Нередко русским глаголам, управляющим родительным, дательным и творительным падежами без предлога, в арабском языке соответствуют переходные глаголы. Поэтому преподавателю при изучении других падежей всякий раз следует возвращаться к категории переходности.

Литература:

1. Акинина О.Г. Арабский язык / О.Г. Акинина. – М.: Восток-Запад, 2004. – 320 с.
2. Белова А.Г. Очерки по истории арабского языка / А.Г. Белова. – М.: Восточная литература, 1999.
3. Белкин В.М. Арабская лексикология / В.М. Белкин. – М.: Восточная литература, 1975. – 220 с.
4. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики / В. А. Богородицкий. – М.: Иностранная литература, 2011. – 328 с.
5. Валгина Н.С. Современный русский язык / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина. – М.: Слово, 2005. – 328 с.
6. Абдулятыф Аль-Саид. Каваид аль-луа аль-арабия аль-мубассата / Абдулятыф Аль-Саид. – Кахира: Ибн аль-аркам, 2006 – 227 с.
7. Мустафа Аль-аляини. Джами ад-дурус аль-арабия / Мустафа Аль-Аляини. – Бейрут: Мактаба аль-асрия, 2003 – 646 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 2006 – 987 с.
9. Реформатский А.А. Введение в языковедение / А.А. Ре-

форматский. – М., 1996. – 180 с.

10. Розенталь Д.Э. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – М.: Слово, 2006. – 529 с.

11. Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция / А.Б. Халидов. – М.: Наука, 1985. – 280 с.

12. Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка / Н.В. Юшманов. – М.: Восточная литература, 1985 – 305 с.

*Абдуррахман Х. Х. (Мухаммадия, Казань),
Замалиева Г. Х. (РИИ, Казань)*

СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ КОРАНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Аннотация: В данной статье рассмотрены средства усиления на материале коранических аятов. Перечислены наиболее употребляемые средства усиления в Коране. Рассмотрены причины использования средств усиления.

Ключевые слова: Коран, арабский язык, стилистика арабского языка, частицы усиления, средства усиления.

Means of enhancing on the material of the Quranic texts

Abstract: this article describes a means of enhancing on the material of the Quranic verses. It lists the most used means of enhancing in the Quran. It discusses reasons for the use of the means of enhancing.

Key words: Qur an, Arabic language, the style of Arabic language, the particles of enhancing, the means of enhancing.

Коран является образцом арабского литературного языка, который внес огромный вклад в его формирование и развитие. Невозможно представить арабский язык без Корана. Он является эталоном арабского языка для всех, кто его изучает. Правила арабской грамматики были составлены именно на основе аятов Корана, поэтому средства усиления и были рассмотрены

Формирование кросс-культурной компетентности

на материале Корана.

Усиление в арабском языке осуществляется частицами или словами. Можно отметить большое количество частиц, которые используются как средства усиления. Наиболее употребляемыми из которых являются следующие:

1. Основной частицей усиления считается إِنَّ , например:

«إِنَّ وَعْدَ اللَّهِ حَقٌّ» (фاطر: 5)

«ведь обещание Аллаха – истина»

Часто يُن употребляется с усилительной частицей لَ , которая применяется для усиления подлежащего или сказуемого, например:

«أَنَّ اللَّهَ بِالنَّاسِ لَرَوُوفٌ رَحِيمٌ» (الحج: 64)

«Поистине, Аллах к людям кроток, милостив»

Также к частицам усиления относят и أَنَّ \ أُنَّ.

«الزَّجَاجَةُ كَأَنَّهَا كَوْكَبٌ دُرِّيٌّ» (النور: 35)

«стекло – точно жемчужная звезда»

2. Усилительная частица لَ , используемая перед подлежащим именного предложения (لَمْ الْإِبْتِدَاء).

«وَأَمَّةٌ مُؤْمِنَةٌ خَيْرٌ مِنْ مُشْرِكَةٍ وَلَوْ أَعْجَبَتْكُمْ» (البقرة: 221)

«верующая рабыня лучше многобожницы, хотя бы она и восторгала вас»

3. Частица видового отрицания لَا النَّافِيَةُ لِلْجِنْسِ , которая употребляется для отрицания существования или наличия всего вида.

«لَا إِكْرَاهَ فِي الدِّينِ» (البقرة: 256)

«Нет принуждения в религии»

4. Дополнительные частицы (بِ \ مِنْ \ لَا \ كَ)

بِ употребляется в основном для усиления отрицания при отрицательной частице مَا

«وَمَا لِأَحَدٍ عِنْدَهُ مِنْ نِعْمَةٍ تُجْزَى» (الليل: 19)

«И ни за кем нет у него милости, которая должна быть вознаграждена»

بِ присоединяется к сказуемому для его усиления в предложениях с لَيْسَ или مَا.

«وَمَا أَنَا عَلَيْكُمْ بِحَفِيظٍ» (الأَنْعَام: 104)

«Я для вас – не хранитель»

«لَا أَقْسِمُ بِيَوْمِ الْقِيَامَةِ» (الْقِيَامَةِ: 1)

«Нет, клянусь днем воскресения»

«لَيْسَ كَمِثْلِهِ شَيْءٌ وَهُوَ السَّمِيعُ الْبَصِيرُ» (الشورى: 11)

«нет ничего, подобного Ему. Он слышащий, видящий!»

5. Частицы أَوْ \ أَمَّا , употребляемые для привлечения внимания (حرف التنبيه)

«أَلَا إِنَّهُمْ هُمُ السَّفَهَاءُ» (البقرة: 13)

«Поистине, они – глупцы...»

6. Частицы سَوْفَ \ سَوْفَ , придающие имперфекту значение будущего времени (حرف الاستقبال). Данные частицы используются для усиления обещания или угрозы, например:

«وَسَوْفَ يُؤْتِي اللَّهُ الْمُؤْمِنِينَ أَجْرًا عَظِيمًا» (النساء: 146)

«а потом Аллах дарует верующим великую награду!»

7. Усиление путем присоединения к глаголу окончаний نَ \ نِ \ نْ если глагол следует за выражением клятвы или глагол в утвердительной форме обозначает будущее время, в этом

случае к нему присоединяется частица **لَ**, например:

قَالَ الَّذِينَ كَفَرُوا لِرُسُلِهِمْ لَنُخْرِجَنَّكُمْ مِنْ أَرْضِنَا»
13 ((إبراهيم))

«И сказали те, которые не веровали, их посланникам: «Мы изведем вас из вашей земли...»

Также усиление глагола настоящего-будущего времени допускается, если глагол стоит после вопросительной частицы, глагол выражает запрет или приказ, например:

وَلَا يَحْسَبَنَّ الَّذِينَ كَفَرُوا أَنَّمَا يُمْلِي لَهُمْ خَيْرٌ لِّأَنفُسِهِمْ...»
178 ((آل عمران: 178))

«И пусть не считают никак те, которые не веровали, что то, что Мы им продлеваем, - во благо для них самих...»

8. Частица **قَدْ**, которая используется для усиления действия, которое было осуществлено.

«قَدْ أَفْلَحَ الْمُؤْمِنُونَ» (المؤمنون: 1)

«Счастливы верующие»

Но может также использоваться и с глаголом настоящего времени, для усиления и подчеркивания действия, происходящего в настоящий момент, например:

قَدْ يَعْلَمُ اللَّهُ الْمُعَوِّقِينَ مِنْكُمْ وَالْقَائِلِينَ لِإِخْوَانِهِمْ هَلُمَّ
18 (إِلَيْنَا وَلَا يَأْتُونَ الْبَاسَ إِلَّا قَلِيلًا) (الأحزاب: 18)

«Знает Аллах, удерживающих среди вас и говорящих своим братьям: «Сюда, к нам!» Но выказывают они мужества только немного»

9. Частица **بِئِنَّ**, которая используется для усиления отрицания действия в будущем,

например:

قَالُوا لَنْ نَبْرَحَ عَلَيْهِ عَاكِفِينَ حَتَّى يَرْجِعَ إِلَيْنَا مُوسَى»
91 ((طه: 91))

«Они сказали: «Мы не перестанем чтить его, пока не вернется к нам Муса»

10. Усиление частицей выделения **أَمَّا** (что касается), которая ставится в начале предложения перед выделяемым словом, причем перед сказуемым часто добавляется **ف. [1]**: 427] например:

«فَأَمَّا الْيَتِيمَ فَلَا تَقْهَرْ» (الضحى: 9)

«И вот сироту ты не притесняй...»

Усиление словами осуществляется в основном следующими:

1. Абсолютное дополнение (**الْمُفْعُولُ الْمُطْلَقُ**) – это имя действия, которое употребляется после глагола, от которого оно образовано, например:

«فَحَقَّقَ عَلَيْهَا الْقَوْلَ فَدَمَرْنَاهَا تَدْمِيرًا» (الإسراء: 16)

«тогда оправдывалось над ним слово, и уничтожали Мы его совершенно»

«فَلَا تَهَيَّلُوا كُلَّ الْمَيْلِ» (النساء: 129)

«Не уклоняйтесь же всем уклонением»

2. Усиление значения слова или предложения путем их повторения, например:

«هَيْهَاتَ هَيْهَاتَ لِمَا تُوعَدُونَ» (المؤمنون: 36)

«Далеко, далеко то, что вам обещано!»

«فَإِنَّ مَعَ الْعُسْرِ يُسْرًا. إِنَّ مَعَ الْعُسْرِ يُسْرًا» (الشرح: 5-6)

«Ведь, поистине, с тягостью легкость. Ведь, поистине, с тягостью легкость»

3. Усиление значения сло-

Формирование кросс-культурной компетентности

ва или предложения путем прибавления одного из следующих усилительных приложений: **نَفْسٌ / عَيْنٌ** (сам), **كِلَا** (оба), **كُلٌّ / جَمِيعٌ** (все), например:

«كَذَّبُوا بِآيَاتِنَا كُلِّهَا» (القمر: 42)

«Они сочли ложью все Наши знамения»

4. Усиление местоимением связи **(ضَمِيرِ الْفَصْلِ)**, например:

«وَأَوَّلَكَ هُمُ الْمُفْلِحُونَ» (البقرة: 5)

«и они – достигшие успеха»

Из основных средств усиления можно выделить клятву, например:

«والضحى. والليل إذا سجى. ما ودَّعَكَ رَبُّكَ وما قلى»
(الضحى: 1-3)

«Клянусь утром и ночью, когда она густеет! Не покинул тебя твой Господь и не возненавидел»

Также к средствам усиления можно отнести **القَصْر**, т.е. выделение, ограничение чего-либо чем-либо, например:

«وما مُحَمَّدٌ إِلَّا رَسُولٌ قَدْ خَلَتْ مِنْ قَبْلِهِ الرُّسُلُ» (آل عمران: 144)

«И Мухаммад – только посланник, до которого были посланники»

Также к средствам усиления можно отнести цитирование аятов Корана или хадисов в речи, чтобы сделать ее более убедительной.

Очень часто в одной фразе можно отметить несколько средств усиления, например в следующем аяте присутствуют средства усиления клятвой, частицей **لَ** и **إِنَّ**:

«وَالْعَصْرِ إِنَّ الْإِنْسَانَ لَفِي خُسْرٍ»

«Клянусь предвечерним временем, поистине, человек ведь в убытке»

Усиление используется в речи, если тот кому она обращена сомневается в ее достоверности. Но если полностью отрицает истинность полученной информации, то в этом случае используется сразу несколько средств усиления, количество которых зависит от степени отрицания.

«إِذَا جَاءَكَ الْمُنَافِقُونَ قَالُوا نَشْهَدُ إِنَّكَ لَرَسُولُ اللَّهِ وَاللَّهُ يَعْلَمُ إِنَّكَ لَرَسُولُهُ وَاللَّهُ يَشْهَدُ إِنَّ الْمُنَافِقِينَ لَكَاذِبُونَ»
(المُنافِقُونَ: 1)

«Когда приходят к тебе лицемеры, они говорят: «Свидетельствуем, что ты – посланник Аллаха». Аллах знает, что ты – Его посланник, и Аллах свидетельствует, что лицемеры – лжецы»

Но иногда в этих случаях средства усиления не используются, это для того чтобы показать, что сообщаемая информация истинна и не нуждается в подтверждении, например аят, который был ниспослан в Мекке:

«لَمْ يَلِدْ وَلَمْ يُولَدْ» (الإخلاص: 1)

«не родил и не был рожден»

Таким образом, мы видим, что в Коране очень часто используются средства усиления и это в основном обусловлено стилистическими приемами.

Литература:

1. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е издание., репринтное / Б.М. Гранде. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 592 с.
2. Коран в переводе И.Ю. Крачковского. – Минск, 1990. – 443 с.
3. القرآن الكريم. - المدينة المنورة. 2000.
4. الميّداني عبد الرحمن. البلاغة العربية: أسسها وعلومها وفنونها \ عبد الرحمن الميّداني. - دمشق: دار القلم, 1996. - 608 ص.

*Куликовская Р. Р., Каримова Р. А.,
Нурмиева Р. Р. (КФУ, Казань)*

CULTURAL-BOUND IDIOMS IN THE NOVEL «OF MICE AND MEN» BY JOHN STEINBECK

Аннотация: Статья посвящена исследованию эмоционально-окрашенных идиом в произведении Джона Стейнбека «Мыши и Люди». Язык произведения прост и в то же время неповторим. Статья направлена на раскрытие уникальности и оригинальности языка, используемого персонажами. Цель работы не только ознакомить читателей с одним из выдающихся произведений Джона Стейнбека, но и улучшить языковые навыки речи и обогатить их вокабуляр.

Ключевые слова: студент, художественная значимость идиом, лингвистика, язык, художественное произведение, диалект.

Cultural-bound idioms in the novel «Of Mice and Men» by John Steinbeck

Abstract: The article is devoted to investigation of the “cultural-bound” idioms specific to Salinas Valley in California in the novel “Of Mice and Men” by John Steinbeck. The language in the novel is simple but compelling. The article is aimed at revealing uniqueness and originality of the idioms used by the characters. The task of this work is to introduce the readers with one of the realistic and imaginative writings as well as to supply the students with the idioms, to perfect their speech habits on the one hand and enrich

the vocabulary on the other.

Key-words: student, literary value of the idioms, linguistics, language, literary writing, dialect.

Language is considered to be social and psychological by nature. It is closely connected with the people who create and use it. Every language grows and develops together with the development of the society.

With the help of linguistic means the imaginative writer appeals to the reader, expresses and conveys his thoughts and feelings. The choice and arrangement of appropriate words and sentence patterns. The use of various expressive means, the choice and arrangement of appropriate words and sentence patterns determine the effect which the literary production will have on the reader.

A work of fiction is a creation of a high-skilled, well-trained professional, for whom his job is his ruling passion.

«Of Mice and Men» is a bright example of literary work famous for humour and a keen social perception. In the novel «Of Mice and Men» John Steinbeck touches upon the themes of loyalty, friendship and realization of dreams. It is a story about George and Lanny. George is a small wry man; Lanny is a strong but a

gentle man with a mind of a child. The characters in the book «Of Mice and Men» are rural workers. They are not educated. They use the language that is far from Standard American English. This kind of language is called vernacular dialect. John Steinbeck is the master of the language. Using vernacular dialect he creates a warm and homely atmosphere. The use of the verbs underlines the specific features of the language in the novel. The sentences used by the characters are usually short and rich in verbs.

The subject-matter of this work is understanding and observation of the so-called figurative expressions often described as idioms. They play a very important part in human communication; they appeal to the heart and mind of man, to the reader's emotions, his literary and cultural associations.

According to V. Komissarov idioms' figurative meaning, its literal sense, its emotive character, stylistic register, national colouring are the very aspects of idiom's meaning that every writer takes into consideration. Idioms are expressions of each culture something specific to a tiny area or city. In the novel «Of Mice and Men» by John Steinbeck the idioms are specific to Salinas Valley in California.

The literary value of the

Формирование кросс-культурной компетентности

idioms used by John Steinbeck is indisputable. The language in «Of Mice and Men» is rich in idioms, colloquial words and expressions. As it was mentioned above the writer could show in his novel the typical features of the language, culture of a lower-status group of people, their dialect and non-standard forms of the language they speak. It helps the writer not to lose a great deal of realism, describing ordinary people and their everyday life.

The use of idioms characterizes a richness and authenticity of the novel:

Blow their stake – to lose or spend all their money

Bucks – dollars

Drink hearty – to spend a good time

Flat bust – to be ruined

Get the eye – not to be faithful to a husband, to look around at other men

Hoosegow – jail

In hot water – to be in trouble

Jungle-up – to camp out for the evening in the company

Jail bait – a girl below the legal age

Looloo – a sexy woman

Pants is full of ants – to have «ants in one's pants» is to be nervous and restless

Picking scraps – to provoke

fight or quarrels

Plug oneself up – to advertise or display oneself

Roll up a stake – to save money

Shove out of here – to get out of here

Sore as hell – extremely angry

Strung on a tree – to be hanged, to be punished

Set you back – to cost

Take the rap – to get into trouble

Went with shows – to entertain

So, the aim of this work is to introduce the readers with one of the realistic and imaginative writings as well as to supply the students with the idioms enabling them to carry on a conversation in good idiomatic English, to perfect the speech habits on the one hand and enrich the vocabulary on the other.

«Of Mice and Men» is a short story, only a little more than hundred pages. The author was awarded the Nobel-Prize in 1962 and wrote a considerable number of novels and short stories. John Steinbeck is one of the greatest American writers of the 20th century and his novel can be found among Top 10 challenged books in 1991.

Литература:

1. Markwardt, Albert H. (1980) *American English*. Revised by J.L. Dillard. New York: Oxford University Press.
2. Steinbeck, John. (1967) *Of Mice and Men*. New York: Bantham Books.
3. Wolfram, Walt, and Natalie Schilling – Estes. (2006) *American English: Dialects and Variations*. Second edition. Malden, MA: Blackwell Publishing.
4. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М., 1973. – 216 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНБАР
ИСЛАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

MINBAR
ISLAMIC STUDIES

2017, Т. 10, № 1

Выпускающий редактор Р.Р. Закиров
Технический редактор Р.Р. Ильясов
Корректор Р.Р. Закиров
Верстка Р.Р. Ильясов

Подписано в печать 20.03.2017 г.
Формат 70х108/16 Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,6
Тираж 300 экз.; первый завод 100 экз.
Цена свободная.

Некоммерческое партнёрство «Совет по исламскому образованию»
420049, Российская Федерация, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Газовая, д. 19

Отпечатано в типографии ООО «Духовно-деловой центр “Ислам Нуры”».
423802, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Набережные Челны,
ул. Центральная, д. 72, тел.: +7(8552) 705-145, 705-109
E-mail: 705145@mail.ru